

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Макс МАХ

ДАМА ПИК

ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛЬФА-КНИГА

Дама Пик

Макс Мах

Дама Пик

«АЛЬФА-КНИГА»

2018

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

Мах М.

Дама Пик / М. Мах — «АЛЬФА-КНИГА», 2018 — (Дама Пик)

Все случилось в один несчастный день, когда предательство и зависть отнимают у Августа Агда, графа де Ламара, будущее. Повеса и бретер, душа общества, любимец женщин и магистр темной магии, в одночасье он теряет все: богатство и титул, собственное имя, заслуженную славу и даже старую любовь. Однако таких людей, как граф, опасно загонять в угол. Последствия могут быть разрушительными. Поддавшись гневу, Август проводит темный ритуал невероятной силы, и в мир живых возвращается умершая сто лет назад таинственная темная колдунья Теа д'Агарис. Но та ли это женщина, о которой думал Август. Ее зовут Таня. Она из Петербурга. Но при этом утверждает, что Россия – не империя, а республика. А на дворе, к слову, 18 век. Так начинаются приключения двух авантюристов – аристократов и темных магов – в Северной Италии и Австрии. Станные события, придворные интриги, неожиданные открытия и неведомые опасности.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Мах М., 2018
© АЛЬФА-КНИГА, 2018

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	18
Глава 3	29
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Макс Мах Дама Пик

Часть первая Теа д'Агарис

Глава 1 Август Агд, граф де Ламар

Лесная дорога, здесь и сейчас

Весь путь от палатки Феарина до виллы Аурис Август проделал бешеным галопом, то и дело переводя Жоффрея в карьер. Черный, как ворон, злой и выносливый конь мчался сквозь ночь так, словно уходил от погони. Но преследовали Августа не люди, а горькие сожаления, бессильный гнев и кровавая ярость, убежать от которых не смог бы ни один, даже самый быстрый конь. Время не обогнать и не повернуть вспять. Единственное, что оставалось теперь Августу, это просто бежать без цели и надежды. Скакать что есть силы по залитой светом волчьей луны лесной дороге. Нестись сквозь ночь и пытаться остудить свой гнев потоком бьющего в лицо холодного воздуха. Но ни ветер, вызванный бешеной скачкой, ни фляга с крепкой марсалай, опустевшая уже на полпути, не могли заглушить отчаяния, овладевшего Августом, не в силах были погасить сжигающую его изнутри ярость.

Обычно Август не был склонен к резким перепадам настроения и сильным эмоциям – будь то любовь или ненависть – и практически никогда не испытывал приступов ярости. Однако сегодня все было по-другому, и список причин, сделавших этот день особенным, включал, увы, больше одной. Это был скверный день. Худший день в его жизни...

Особняк на Таможенной набережной, утро прошедшего дня

Все началось прошедшим утром, когда Август проснулся в постели Агаты ван Коттен. Агата – невероятно красивая женщина. Умная и образованная, что отнюдь не мешало ей быть замечательной любовницей. И отношения, связывавшие ее и Августа, были давними и в известном смысле устоявшимися. Почти любовь, а возможно, и не «почти», а «уже и долго» любовь, хотя говорить о своих чувствах не любили ни он, ни она. Однако этим утром Август готов был нарушить существовавшее между ними негласное соглашение и заговорить о своих чувствах. И причина для этого была более чем очевидна.

Накануне, подъезжая в карете к особняку на Таможенной набережной, Август неожиданно вспомнил, что за суетой насущных и, как всегда, не терпящих отлагательства дел забыл купить Агате цветы. Обычно он дарил ей пунцовые розы или недавно вошедшие в моду фламанские тюльпаны. Сейчас же готов был принести женщине все что угодно, любой цветок – лишь бы не прийти к ней с пустыми руками. Скромный букетик фиалок, может быть, даже незабудки или еще что, но ни того, ни другого, ни третьего у него попросту не было, а возвращаться – плохая примета.

«Фиалки... – подумал он в отчаянии, – незабудки, подснежники, веточка сирени...»

Август представил себе куст персидской сирени в цвету. Махровая, пурпурного цвета кисть... Капельки росы на листьях и соцветиях... Характерный медовый аромат...

Талант визионера является необходимым условием для овладения высшей магией, в которой Август был как минимум хорош. Но кроме того, Август Агд, граф де Ламар, являлся

выдающимся «поэтом» и умел, как мало кто еще, придавать форму интуитивным образам. И сейчас именно эта способность к безотчетному постижению тонких сущностей помогла ему совершить настоящее чудо для женщины, от страсти к которой у него едва не вскипала кровь. Желание придало необходимую силу инстинктивному порыву. В воображении возник мгновенный детализированный образ ветки персидской сирени. Пахнуло свежестью утра и ароматом цветов. И Август, резко вышедший из короткого, но глубокого транса, вплеп в свою волшбу вербальную формулу «factum»¹, пожертвовав ради такого случая собственным кружевным платком. Тихий хлопок. Дуновение жаркого ветра – и в руке Августа возникла ветка сирени, о которой он случайно подумал буквально несколько мгновений назад.

«Вот что значит подняться над толпой!» – подумал он с удовлетворением, любясь результатом своей волшбы. И был прав, разумеется. Немногие маги способны создавать материальные объекты, не используя при этом сложных инсталляций², редких, а значит, и дорогих магических ингредиентов и многоуровневых заклинаний. Что же касается «живых сущностей», к каковым, собственно, и относятся растения, большинству практикующих колдунов и волшебников такое не под силу, даже если в их распоряжении находятся Великие Арканы³ Древних. Однако Август проделал этот «фокус» почти бессознательно, быстро, эффективно и «не запыхавшись», даже притом, что оперировал одними лишь приемами высшей магии.

«Просто великолепно! – признал он без неуместной в такого рода делах скромности. – Я Август, и я достоин любви!»

Так, собственно, и обстояли дела. Даже не будучи сагой⁴, Агата ван Коттен жест Августа оценила по достоинству – ведь сирень отцвела еще два месяца назад – и подарила ему незабываемую ночь любви. Возможно, одну из лучших за все время их знакомства. Однако насладиться этой удачей сполна Август не смог. Едва он покинул постель и начал одеваться – ему следовало уйти раньше, чем городские улицы наполнятся нежелательными свидетелями, – как Агата сообщила ему, что уезжает. Далеко и надолго. В сущности, навсегда. Потому что три-четыре года разлуки означали для них двоих не просто долгое расставание, но и конец отношений, длившихся уже не первый год.

Оказалось, что барон ван Коттен получил назначение полномочным послом в Петербург – столицу далекой северной империи, и по такому случаю захотел, чтобы супруга составила ему компанию. При этом послушаться мужа Агата на этот раз не могла. Речь шла о крайне важной дипломатической миссии, и король, заинтересованный в успехе своего посольства, настоятельно рекомендовал ей «не дурить и ехать с мужем сразу и без задержек». По-видимому, его величество, вполне осведомленный о ветреном нраве Агаты, хотел усилить бесспорный дипломатический талант своего кабинет-министра красотой и обаянием баронессы ван Коттен.

Вот такие печальные новости. Можно сказать, драма. Возможно даже, трагедия, ибо, вдохновленный наколдованной им веточкой сирени, Август готов был произнести вслух то, что, как оказалось, давно уже жило в его сердце. Но они с Агатой даже поговорить по-человечески не смогли, не то что озвучить «великие клятвы любви». Август – как ни велико было желание объясниться – вынужден был все же уйти и снова увиделся с женщиной только поздно вечером, на приеме у короля, когда и говорить, в сущности, было уже не о чем. Агата появилась в палатце Феарина под руку с законным супругом, а за Августом к этому часу волочился длинный шлейф горьких разочарований и обид...

¹ Делать, действовать, творить (лат.). – Здесь и далее примеч. авт.

² В данном случае под *инсталляцией* понимается вещественная форма заклинания, например, нарисованная мелом или углем пентаграмма, расставленные в определенном порядке белые и черные свечи.

³ **Аркан** – в данном случае имеется в виду вербальная или визуальная формула заклęcia.

⁴ **Saga** (от лат. *saga*) – *прорицательница, колдунья*.

Вилла Аури, здесь и сейчас

Коня Август бросил прямо посреди двора. Спрыгнул с седла и разом забыл и о Жоффрее, и обо всем вообще. Переживая острый приступ ярости, он в этот момент ни о чем не думал. Просто не мог. Однако подсознательно наверняка знал, что никуда его кохелайн⁵ не денется, потому что, во-первых, правильно воспитан, а во-вторых, давным-давно защищен и заговором, и оберегом. Ну а для всего прочего на вилле имелись конюх и мальчик-грум. Они и позаботятся о коне. Сам же Август едва ли не бегом пересек мощный деревянными торцами двор, взбежал по полукруглым ступеням парадного входа, с силой распахнул тяжелые створки резных дубовых дверей и, не сбавляя скорости, направился в свой кабинет. По пути он лишь приказал выбежавшей навстречу служанке принести наверх кувшин яблочного бренди и более хозяина не беспокоить.

– Когда понадобится, – рявкнул он, оставляя оторопевшую служанку за спиной, – я сам позову!

Наверное, будь Август хоть чуть более в себе, он дополнил бы приказ указанием «не мешать» и вообще сделать вид, что их, то есть слуг, в доме попросту нет. Но дверь кабинета уже захлопнулась за ним, и он остался один. Резкое движение левой рукой, щелчок пальцев – и в камине вспыхнул огонь. Свечи в двух серебряных канделябрах зажечь оказалось еще легче. Желание воплотилось в формулу «*ascendunt lucernae*»⁶, движение правой брови задало направление – и дело сделано! Сегодня, сейчас все получалось у Августа с такой легкостью, словно обрушившиеся на него несчастья вознесли его на новый уровень могущества. Возможно, что и так, но об этом он даже не подумал. Не до того было!

Не останавливаясь, задыхающийся от гнева Август прошел к своему огромному рабочему столу и оперся обеими руками о столешницу. Его лицо пылало. И хотя камин не успел еще согреть обширное пространство кабинета, Августу было жарко и душно. Казалось, ему не хватает воздуха, и окна открылись словно бы сами собой. Просто вдруг распахнулись в ночь, впуслав в кабинет холодный, наполненный запахами леса воздух...

Вилла Аури стоит посреди девственной пуши. Лес вокруг Россомашьего холма лишь слегка прорежен, чтобы создавалось ощущение простора, но уже в паре сотен метров от дома превращается в настоящую чащобу. Там нет дорог, не считая звериных троп, и не живут люди. Ближайшая деревня расположена в пяти километрах к югу, как раз на той дороге, по которой Август прискакал из столицы. Исторически вилла Аури являлась охотничьим замком, но, когда Кларисса де Ватуар, бездетная дальняя родственница по материнской линии, подарила его, не иначе как впад в маразм, «своему любимому племяннику», Август, который с «тетей Клариссой» никогда, кажется, даже не встречался, перестроил замок под свои нужды.

Являясь магистром трансцендентальных искусств и доктором высшей магии, он нуждался в уединенном, хорошо оборудованном доме, в котором могли разместиться его личный кабинет и лаборатория. Под них, а также под библиотеку и коллекции отошло правое крыло виллы – трехъярусная башня, оставшаяся в наследство от охотничьего замка. Кроме самого Августа туда допускались лишь Катрина и Огюст – его старые верные слуги, которых он знал с раннего детства. Тем не менее Август был вынужден наложить «печать молчания» даже на них. Слишком много крайне опасных вещей находилось в его коллекции артефактов, лаборатории и книжном собрании, а «печать молчания» не только умалчивает излишнее красноречие, но и обеспечивает беспрекословное подчинение. Август не хотел, чтобы Катрина и Огюст причинили себе вред из одного лишь праздного любопытства. Не хотел он также и того, чтобы, поддавшись слабости, они начали рассказывать всем и каждому о том, что видели или слышали в

⁵ **Кохелайн** – порода крупных и сильных арабских жеребцов, специально предназначенных ходить под седлом.

⁶ зажечь свечу (лат.).

Старой башне. А увидеть и услышать здесь можно было много такого, о чем непосвященным не только что говорить, но и думать было нельзя.

*Апартаменты на Кожевенной улице,
утро прошедшего дня*

Покинув особняк на Таможенной набережной, Август направился «к себе», то есть в свою холостяцкую квартиру. Он снимал ее как раз на такой случай, когда дела держат в городе, а ехать на виллу в Авадонской пуще далеко и долго. Квартира была небольшая – всего пять комнат, – но там, не удаляясь далеко от королевского дворца и университета, он мог умыться, переодеться и даже подкрепиться. Старина Сэйри – слуга за всё, постоянно проживавший в апартаментах на Кожевенной улице, – умел не только почистить одежду, но и сварить овощной суп, испечь пирог с мясом или приготовить жаркое. Сегодня, предупрежденный Августом еще накануне, Сэйри подал на стол пару зажаренных на вертеле цыплят, свежий хлеб из пшеничной муки тонкого помола и красное вино «Верментино» из Восточной Лигурии. Однако настроение у Августа было таково, что, как говорится, кусок в горло не шел.

Расставание с Агатой оказалось для него куда тяжелее, чем он мог представить себе еще вчера. Вернее, вчера он о таком и подумать не мог. Их отношения длились уже почти восемь лет и, казалось, не прекратятся никогда, потому что такое совпадение темпераментов, взглядов на жизнь и интересов случается нечасто, если случается вообще. Любовь с первого взгляда, и какая любовь! Они стали любовниками практически с первой встречи, с того самого дня, когда Август приехал на ее помолвку. Являясь дальними родственниками, они до этого момента никогда лично не встречались. Но тем утром, увидев ее впервые – это случилось в ее родовом замке в Виллар сан Констанцо, – Август ощутил желание такой силы, что на мгновение у него даже потемнело в глазах. И страсть эта, хвала богам, оказалась взаимной. Во всяком случае, ночь перед приездом своего будущего мужа Агата провела в постели Августа и никогда об этом не пожалела, как, впрочем, и он.

В последующие годы жизнь то разводила их ненадолго, то снова сводила. Иногда, ради разнообразия или по каким-либо иным не менее значимым причинам, Агата сопровождала супруга в его дипломатических миссиях, но в конце концов всегда возвращалась в столицу к королевскому двору. За время ее отсутствия – а иногда оно измерялось месяцами – Август обычно заводил двух-трех любовниц, сохраняя отношения с некоторыми из них и тогда, когда Агата снова появлялась в своем особняке на Таможенной набережной. Судя по достоверным известиям, которыми полнится свет, баронесса тоже ни в чем себе не отказывала. И все-таки, едва объявившись в столице, Агата первым делом посылала за Августом, и он всегда приходил, как бы ни был занят и кем бы ни был увлечен. В сущности, если не по названию, то по характеру отношений именно Август являлся супругом Агаты, как, впрочем, и она его женой. Их связь была куда прочнее, чем можно было ожидать от двух настолько развращенных циников, какими оба они, собственно, и являлись. Но дело в том, что взаимное притяжение неизменно оказывалось сильнее всех прочих соблазнов или обязательств, а их страсть включала в себя не только удовольствия плоти, но и невероятную для таких людей, как они, эмоциональную близость. И все это – не считая интеллектуального наслаждения, которое они испытывали от общения друг с другом.

Агата была блестяще образована и великолепно сочетала изощренную женственность с сильным «мужским» умом. Рядом с ней Август никогда не скучал и не должен был объяснять ей что-либо дважды. Напротив, это ему приходилось иногда напрягать все свои силы, чтобы думать вровень с ней. Однако ничто не вечно под луной: закончилась, увы, и эта невероятная – во всех отношениях – любовь.

«Любовь...»

Что ж, следовало признаться, что так оно и есть. Вот разве что осознание этого факта пришло к Августу слишком поздно.

«Впрочем, – сказал он себе через пару бокалов вина, – лучше поздно, чем никогда! Я поеду вслед за ней!»

Разумеется, это будет не просто – придется бросить университет, и наверняка на него обидится половина двора, проклянут родители и «предаст анафеме» король, – но игра стоит свеч! Пусть хоть перебесятся все, но он будет с Агатой!

«Любовь... Что ж, посмотрим, кто кого!»

Заседание Коллегиум Гросса – Большого Собрания магистров, – на котором Август должен был присутствовать, даже если бы умер, было назначено на три пополудни, а граф Новосильцев обычно садится завтракать в двенадцать.

«Должен успеть!» – решил Август, заканчивая третий бокал вина.

Вилла Аури, здесь и сейчас

«Ад и преисподняя!» – Август вспомнил сейчас, о чем думал, наливаясь лигурийским красным. Как планировал свой отъезд в Россию – готовый бросить к ногам *этой* женщины и свою карьеру, и все вообще, – и его в очередной раз накрыло волной ярости. Такого унижения он не испытывал никогда в жизни. Да, да! Именно так: унижение, разочарование, бессильный гнев – вот те новые чувства, с которыми Август познакомился в этот день.

Он всегда был баловнем судьбы. Красавец, умница, признанный талант, не говоря уже о прочем, но ведь и это «прочее» не сбросишь со счетов! Являясь старшим сыном одного из самых знатных и богатых людей в королевстве, Август получил великолепное воспитание и образование. Он никогда не нуждался в деньгах. Не праздновал труса на войне. Был награжден и обласкан королевским двором. Повеса и бретер, любимец женщин, он стал магистром трансцендентальных искусств в двадцать пять лет и защитил докторскую диссертацию по высшей магии в двадцать восемь. Он знал всех и все знали его. Старый король благоволил ему как никому другому. И хотя молодой король не мог забыть Августу разбитое сердце Тоски де Вентис, Максимилиан III продолжил традицию, по-прежнему принимая Августа при дворе.

Так все и обстояло. Во всяком случае, до вчерашнего дня. Ведь *все проходит*, не так ли?

Август стоял, упершись ладонями в широкий подоконник открытого в ночь окна. Волчья луна заливала близкий лес зловещим серебром. Где-то поблизости ухала сова. Легкий ветерок дул прямо в лицо, но, хотя к ночи сильно похолодало, даже ночные заморозки оказались бессильны остудить пылавший в Августе огонь. Ничто, казалось, уже не могло быть как прежде. Впрочем, не казалось. Так и обстояли дела. Весь его мир рухнул, похоронив под обломками того человека, каким он был еще накануне.

«Эти люди! Эти треклятые двуличные подлецы! В пекло их всех!» Август отвернулся от окна, подошел к столу и налил себе в серебряную чарку новую порцию бренди. Алкоголь должен был по крайней мере утишить его боль!

Трактир «Межевой камень», полдень прошедшего дня

Посольство Российской империи располагалось в просторном особняке на улице Добрых Душ, и в распоряжении графа Новосильцева, посла великого гиперборейского царства, имелся целый штат слуг. Был у него, разумеется, и свой повар, и, говорят, весьма неплохой. Тем не менее, по давно заведенному обычаю, завтракал посол в расположенном неподалеку от особняка трактире «Межевой камень». Еще одной странностью графа было то, что утреннюю трапезу он вкушал в одиночестве. Гости появлялись за его столом во всех прочих случаях, но не в «Межевом камне». Не странно поэтому, что едва Август вознамерился приблизиться к читавшему газету графу Новосильцеву, как дорогу ему заступил один из слуг посла.

– Прошу прощения, сударь! – вежливо остановил Августа здоровенный детина, больше похожий на кабацкого вышибалу, чем на камердинера или комнатного лакея. По-французски он говорил почти без акцента. Одним словом, безупречный нукер.

– Василий Петрович! – окликнул Август посла. – Знаю, что не вовремя, но нужда велит!

– Ну раз велит, – оторвал взгляд от газеты Новосильцев, – присоединяйтесь, Август! Прохор, пропусти!

Слуга посторонился, и Август подошел к столу.

– Dobrogo dnia! – сказал он по-русски и присел на стул напротив посла.

– И вам не хворать! – усмехнулся в ответ собеседник. – Вы, Август, к слову, единственный в этой стране, кто не кличет меня Базилем, и по русскому обычаю поминаете при обращении моего батюшку. Закусите со мной?

– Благодарю, – покачал головой Август, – но я сыт.

– Даже не выпьете?

– Пожалуй, откажусь, – снова покачал головой Август, – я и так уже с раннего утра не просухаю.

Этим, собственно, исчерпывались познания Августа в великорусском наречии, поэтому говорили они с русским послом по-французски.

– Я настаиваю! – В глазах Новосильцева появилось какое-то странное выражение, которое Август никак не мог ухватить.

Что это было? Сожаление? Сочувствие? С чего вдруг?.. Но, как на грех, думалось ему сейчас плохо, так что возникшую было мысль Август благополучно упустил. Слишком был занят своими чувствами, а зря.

– Граф, мне нужна въездная виза, – сразу взял он быка за рога. – Я...

– Увы, Август, – граф смотрел едва ли не с жалостью, но уж точно что не был равнодушен, – но я не могу вам помочь.

– Что?! – опешил Август, ни разу в жизни не встретивший отказа в такой безделице. – Я...

– Извините, Август, – тяжело вздохнул Новосильцев, – мне действительно неловко вам отказывать, но въезд в Российскую империю вам запрещен.

– Ничего не понимаю... – Август был обескуражен. Такого не могло быть, потому что не могло быть никогда. И тем не менее...

– Это просьба его величества Максимилиана, – с явной неохотой объяснил посол. – Как вы понимаете, Август, я не могу ему отказать. Ее императорское величество, к слову, тоже не сможет.

«Максимилиан? – удивился Август. – Но как он мог узнать, что я захочу поехать в Петербург?!»

Состояние Августа в тот момент было таково, что он был совершенно дезориентирован. Как говорится, затмение нашло. Иначе такую тупость не объяснить. Ведь обычно мысли его не текли, а стремительно летели. Логика была холодна и безупречна. Притом что интуиция тоже не дремала. И все-таки он справился. Пусть и с опозданием и только отчасти, но в конце концов натура взяла верх и Август начал соображать.

– Когда это случилось? – спросил Август.

– Вчера, – лаконично ответил Новосильцев.

– Вот так так!.. – Август действительно не знал что и думать. Что такого могло произойти вчера, что король решил вмешаться в его личные дела? В его планы, о которых вчера не знал и сам Август? Однако очевидно одно. Король знал еще вчера, что барон ван Коттен уезжает в Петербург, и тогда же приказал Агате ехать вместе с мужем. Разумеется, это более чем странно, но хотя бы объяснимо. Однако запрет на въезд в Российскую империю – это совсем другое

дело. В этом случае Максимилиан должен был знать не только о том, что баронесса является любовницей Августа, но и о том, какого рода отношения связывают этих двоих.

«Но это невозможно! – возразил себе Август, пытаясь осмыслить случившееся. – Он не мог этого знать! Я сам не знал...»

Получалась какая-то форменная бессмыслица, поскольку в основе действий Максимилиана лежали два совершенно невозможных обстоятельства. Во-первых, должно было случиться нечто настолько из ряда вон выходящее, что король вообще смог и захотел – или скорее наоборот, захотел и смог, – столь грубо, если не сказать оскорбительно вмешаться в личные дела графа де Ламара. А во-вторых, откуда ему вообще было знать, что Август вознамерится ехать в Россию вслед за своей любовницей? Притом знать об этом заранее и наверняка!

«Чепуха какая-то!»

И в самом деле чепуха. Такое не утаить. Уж кто-нибудь из приближенных Максимилиана наверняка шепнул бы Августу на ушко, что затевается в палатке Феарина и почему. Но нет. Все было тихо и мирно. Вот разве что Агата... Но Агатой, скорее всего, двигала одна лишь любовь. Она хотела проститься с Августом в их обычной манере, и ей это удалось. Ночь любви, краткое прощание, и все, собственно. Занавес опускается.

– Август... – прервавший его размышления Новосильцев словно бы колебался, сказать Августу нечто или нет, но в конце концов решил, по-видимому, озвучить это таинственное «нечто», которое по-прежнему вызывало у него сомнения.

– Не скрою, я заинтригован, – сказал он наконец. – Не знаю, что и думать, но полагаю, что случилось нечто из ряда вон выходящее. Вы, как мне кажется, об этом деле также не осведомлены, что заставляет думать о странном...

Новосильцев помолчал, внимательно глядя Августу в глаза, и продолжил все тем же ровным голосом, каким стал бы рассказывать о рутинных делах:

– Мне, Август, отчего-то представилась забавная картина. Будто бы вы едете в Прагу к гроссгерцогу Рудольфу. И в руках у вас дорожная, выписанная моим старым другом бароном Дризеном... Каково?

– Думаете? – нахмурился Август.

– Даже и не знаю, что сказать... Да, и вот еще что, но строго между нами: позавчера баронесса ван Коттен посещала палатку Феарина, но подробностей я, разумеется, не знаю.

«Позавчера? – удивился Август. – Отчего же я узнаю об этом только сегодня и не от нее самой, а от третьего лица?»

Ситуация представлялась Августу настолько абсурдной, что он даже рассмеялся...

Вилла Аури, здесь и сейчас

Алкоголь не брал. Не туманил мозг. Не глушил боль. Голова оставалась ясной, хотя лучше бы ему впасть в забвение, потому что то, что испытывал в эти мгновения Август, было попросту нестерпимо. Боль, гнев, ощущение бессилия и одновременно кристальная прозрачность мысли, неожиданно-негаданно вернувшаяся к нему в самый неподходящий момент.

Сейчас, стоя с очередной чаркой бренди перед открытым в ночь окном, Август видел прошедший день совсем не так, как воспринимал его, находясь в живом потоке времени. Детали – вот в чем кроется присутствие божества. Иногда подробности кажутся лишними, но это ошибочное мнение. Частности способны дополнить приблизительное знание до полного, незавершенное – до целого. Раскрыть подлинный смысл происходящего, связав его с прошлым и проследив в еще ненаступившем будущем.

«Я всего лишь хотел видеть ее той женщиной, которая достойна любви! – признал очевидное Август. – Глупец!»

Что ж, любовь – великая обманщица, и ложь ее слишком часто любезна сердцу. Другой вопрос, всегда ли нам нужна правда? И если да, то когда, где, при каких обстоятельствах?

«Я видел лишь то, что она готова была мне показать, или то, что готов был увидеть я сам!» – Август выпил бренди, даже не почувствовав его вкус, и отвернулся от окна.

Он хотел вернуться к столу за новой порцией кальвадоса. Однако, по случаю, взгляд его упал на противоположную стену. Там на темных дубовых панелях висели его дипломы, вставленные в застекленные позолоченные рамки. Патенты лицензиата алхимии и магистра трансцендентальных наук, диплом доктора высшей магии и, наконец, патент профессора Королевского университета в Генуе.

«Тщета человеческая, – горько усмехнулся Август, переводя взгляд с одного документа на другой. – Свидетельства тщеславия и дешевой фанатерии...»

***Королевский университет Генуи,
три часа пополудни прошедшего дня***

После разговора с русским послом настроения идти в университет не было вообще. Тем не менее положение обязывает: Август как-никак профессор и член Коллегиум Гросса, а Большое Собрание магистров проходит от силы пару раз в году, и никогда по пустякам. Так что причин занять свое место в круглом зале Коллегиума было более чем достаточно. Однако на этот раз обстоятельства не просто обязывали Августа присутствовать на заседании, они этого настоятельно требовали. По единодушному мнению лиц, прикосновенных к подспудным политическим течениям, избрание Августа Гроссмейстером являлось делом решенным. Но, чтобы быть избранным, следовало для начала принять участие в процедуре, поскольку выборы Гроссмейстера могут быть только очными, и, следовательно, его присутствие в зале Коллегиума в момент голосования попросту обязательно. Поэтому Август – как бы ни был он расстроен и обескуражен – надел черную докторскую мантию, водрузил на голову академическую шапочку и ровно в три часа пополудни появился в зале Коллегиума, чтобы занять там свое именное кресло...

Избрание Гроссмейстером должно было стать апофеозом его академической карьеры. А на стене с дипломами в его кабинете появился бы еще один документ – выписка из протокола выборов главы Коллегиум Гросса. Так должно было произойти, но, увы, этого не случилось. Что-то – о чем Август по-прежнему ничего не знал – случилось накануне и перевесило на чаше весов все его достижения, репутацию, силу личных связей, наконец. В такого рода делах ведь достаточно потерять всего два-три голоса, и жезл «Первого среди равных» окажется в руках другого. Это, собственно, с Августом и произошло: кто-то воздействовал на колеблющихся магистров, и в результате статистика оказалась не на его стороне. Вроде бы не трагедия. Максимум – драма. Но для Августа, ценившего внешние признаки величия ничуть не меньше сущности самого величия, это оказалось ударом невероятной силы. Он был попросту раздавлен, и падение его в пропасть саморазрушения оказалось настолько решительным, что после окончания собрания он перехватил своего давнего недруга – оппонента, соперника и недоброжелателя – магистра д'Альбре и задал главе партии нумерологов прямой вопрос:

– Могу я узнать, что здесь произошло на самом деле?

– Можете, – вежливо, едва ли не дружески улыбнулся собеседник, – но лучше бы вам, профессор, прежде переговорить с вашим батюшкой, графом де Ламаром. А уж после я буду счастлив дать вам любые разъяснения...

Палаццо Риуро, шесть часов вечера прошедшего дня

В обычные дни и в такое время – то есть около шести вечера – найти старого графа можно было только дома. Если, разумеется, он находился в городе, а не в одном из своих многочисленных имений. Однако, поскольку сегодня позже вечером должен был состояться большой королевский прием, Альбер де Ламар определенно никуда не уезжал. Тем не менее Огастин – старший камердинер отца – утверждал обратное.

– Его сиятельство уехал еще с утра, – объявил он Августу, но в глаза при этом не смотрел, хотя раньше никогда от этой привилегии не отказывался.

«Уехал?» – Верилось с трудом.

– Куда? – хмуро поинтересовался Август, раздумывая над тем, что это значит и значит ли что-то вообще.

– Его сиятельство не сказал. – Коротко и сухо. Почти грубо, если иметь в виду разницу в положении.

«С чего бы вдруг?»

– Сказал, когда вернется?

Вопрос уместный, разве нет?

– Никак нет, не изволил сообщить.

«Нет, – подумал тогда Август, пытаясь подавить вспышку неконтролируемого бешенства, – не проведешь, старый хрыч! Знаешь, но не скажешь! Но почему? Почему, демоны тебя заberi?!»

– А тебя, Огастин, отчего же не взял? – спросил вслух, не слишком надеясь, впрочем, на вразумительный ответ. – Ты же с ним всегда едешь, разве нет?

– Не могу знать, – все так же отводя взгляд, ответил старик-камердинер. – Не взял.

– Ну-ну... – кивнул Август и пошел к матери.

«Что за притча? – думал он, подходя к дверям в ее апартаменты. – Определенно случилось что-то скверное или это просто совпадение?»

Но, похоже, в городе и в мире на самом деле произошло нечто чрезвычайное, из ряда вон выходящее, способное разом обрушить весь его мир, вот только Август отчего-то ничего об этом событии не знал.

А в дверях в апартаменты графини-матери его уже поджидала Джинайна – любимая камеристка Терезы де Ламар.

– Уехала? – спросил Август и посмотрел в глаза женщине, которая, что любопытно, глаз не отвела.

– Слегла, – коротко ответила женщина, хотя склонности к лаконичной речи никогда прежде не выказывала.

– Надеюсь, она не умирает! – Август нашел в себе силы саркастически усмехнуться и, не задерживаясь ни одной лишней секунды, пошел прочь.

Однако далеко уйти не удалось. В Ореховой гостиной его перехватил Ренар. Кавалер де Безом сидел в кресле, поставленном так, чтобы ни в коем случае не пропустить Августа, куда бы или откуда бы он ни шел. Выбор места, отметил Август, подходя к младшему брату, был безукоризнен. Впрочем, держать Ренара за дурака – себе дороже. Не гений, разумеется, но отнюдь не глуп и не прост, и ко всему – отъявленный хитрец. Возможно, поэтому про себя Август называл его обычно Рейнике, как звали сказочного хитреца-лиса, но вслух это прозвище не произносил никогда.

– А вот и ты! – улыбнулся Ренар при виде Августа и встал из кресла.

Стройный, элегантный, но отнюдь не женственный. Хорошее, пусть и «незамысловатое» лицо, открытый взгляд, «простодушная» улыбка. Все в доме считали его мягким, немного застенчивым и невероятно доброжелательным человеком. Все, кроме Августа, который догадывался об истинном характере Райка – так называли его матушка и сестры, – но озвучивать свои подозрения даже не пробовал. Себе дороже; тем более, что Август – темный маг с плохой репутацией, а Ренар – светлый, и репутация у него однозначно положительная: звезд с неба не хватает, зато человек хороший.

– Ждал меня? – вполне искренне удивился Август, который никогда не был близок с младшим братом, если не сказать больше. – Зачем?

– Между нами? – еще шире улыбнулся Ренар.

– А что, тут есть еще кто-нибудь кроме нас? – вопросом на вопрос ответил Август, все еще гадая: что за оказия? При любом раскладе Ренар стал бы последним, к кому он обратится за помощью или разъяснениями. Да и Август Ренара практически не интересовал. Одно слово, что братья.

«Ну хоть не враги! Или уже враги?»

Что-то в этой сцене насторожило Августа, вот только он сплеховал уже второй раз за день – не понял, что именно.

– Я действительно ждал тебя, Юсс, только не знал, когда ты придешь.

– Я перед тобой, – пожал плечами Август. – Говори!

– Видишь ли, Юсс, тебе будет трудно меня понять, но я все-таки попробую тебе объяснить, а ты постарайся не упустить главное.

– Главное? – переспросил сбитый с толку Август. – И что же ты, Райк, считаешь главным?

– Я вырос в твоей тени, Юсс.

Истинная правда, хотя Август об этом никогда всерьез не задумывался.

– Тебе было там холодно? – усмехнулся он, все еще не уяснив для себя, к чему весь этот разговор.

– Да, – совершенно серьезно кивнул Ренар, – я мерз.

– Бедняжка! – Сарказм, и ничего более. Ну не жалеть же его в самом деле?

– Есть немного, – все так же доброжелательно глядя на Августа, подтвердил брат. – Возможно, поэтому я не упустил свой шанс. Такой случай, знаешь ли, выпадает один раз в жизни.

– Хорошо, – согласился Август, видя, что кавалер де Безом настроен высказать ему все, что там у него накопилось, и отделаться от братца без «разговора» попросту не удастся. – Рассказывай!

– Может быть, присядешь?

– Может быть, – и с этими словами Август действительно сел в кресло.

Настроения выслушивать все эти «глупости и хитрости» у него не было, но и разговора, судя по всему, было не избежать. – Слушаю тебя.

– Для начала хочу объяснить тебе поведение отца. – Ренар вернулся в свое кресло, и теперь они сидели лицом к лицу. – По правде сказать, граф в бешенстве и покинул город, чтобы не совершить какой-нибудь глупости.

– Например? – поинтересовался заинтригованный «прелюдией» Август.

– Ну, например, чтобы не задушить маман или, скажем, не зарезать.

– Seriously? – Похоже, братцу удалось-таки его удивить.

– Вполне, – подтвердил Райк.

– Огласи, будь любезен, причину!

– Она наставила ему рога, – «любезно» объяснил младший брат.

– Ну и что? – не понял Август, полагавший, что при дворе нет ни одной сколько-нибудь симпатичной женщины, которая хотя бы раз в жизни не изменила мужу. А графиня-мать была еще совсем не стара, да и былую красоту не успела растерять.

– Да ничего, – мягко улыбнулся брат. – Во всяком случае, даже если бы отец накрыл ее «на горячем», не думаю, что он устроил бы из-за этого скандал.

– Значит, в истории есть привходящие обстоятельства, – понял Август. – Какие?

– Все-таки ты чертовски умен, Юсс! – покачал головой Ренар. – Чертовски! Даже зависть берет. Отчего все досталось тебе? И ум, и красота, и талант...

– Переходи к главному, – поморщился Август, всегда подозревавший Рейнике-лиса в зависти, но услышавший об этом из уст брата в общем-то впервые.

– Главное, Август, что ты не его сын, – с явным удовлетворением сообщил Ренар.

– Понятно, – кивнул Август, молниеносно решив, что не станет поддаваться на провокации. – Я не его сын. Продолжай!

– Нет, ты не понял. – Брат смотрел Августу в глаза, словно искал там... что? Слабость? Гнев? Разочарование? – Ты, Август, не являешься законным сыном графа де Ламара. Ты плод греха. Бастард Конрада ла Бери.

Что ж, это был действительно удар нечеловеческой силы, и Августу потребовалось сделать над собой невероятное усилие, чтобы только скрыть от собеседника последствия его заявления. Внутри Августа уже полыхал пожар страстей, но мысль, как обычно и случалось с ним в острых ситуациях, оставалась быстрой и кристально ясной. Так что он вполне успел просчитать все последствия того, о чем говорил Райк. Вернее, того, на что он намекал.

Если мать изменила отцу с этим кретином – Конрадом ла Бери – то, во-первых, Август сразу же лишается и титула, и наследства, не говоря уже о положении в обществе. Впрочем, отец – он все еще не мог называть графа де Ламара как-нибудь иначе – мог бы его усыновить или узаконить его рождение задним числом. И, возможно, граф так бы и поступил, ведь, как ни крути, простоватый и пресный, как крестьянский хлеб, Ренар не мог соперничать с блестящим во всех отношениях Августом. Это Август – любимый сын графа и графини. Он гордость рода и все из этого вытекающее... Пожалуй, старик смог бы справиться со своими демонами ради сохранения преемственности. Вполне мог.

«При других обстоятельствах, – вынужден был признать Август, – но не в этом случае, вот в чем дело!»

Август ведь не просто первенец. Он плод любви. Во всяком случае, именно так и говорили о нем мать и отец. А Конрад ла Бери, если это все-таки он, – не просто некий безымянный любовник, мелькнувший где-то когда-то много лет назад около красавицы Терезы де Сан-Северо. Это человек, ныне глубоко презираемый при дворе, но главное – откровенный и непримиримый враг старого графа. Тот самый дворянин, который все время «путался под ногами» у молодого Альбера де Ламара, да так, что тот Конрада без вспышек бешенства уже видеть не мог. И этот человек – настоящий отец Августа? К слову, цвет волос и глаз указывал на это со всей очевидностью. Ренар – блондин, как и сестры, как мать и отец. И глаза у него голубые, как у старого графа, хотя и не такие красивые. Август же брюнет, и глаза у него черные. Красив, это правда, – но совершенно иначе, чем старый граф.

«Весь в отца...»

– Бастард? – равнодушно переспросил он Ренара. – В самом деле? У тебя, верно, и доказательства имеются?

– Имеются. – Похоже, Рейнике-лис был несколько разочарован. Он ожидал от единоутробного брата «больше страсти». Но Август устоял.

– Дай угадаю, – «задумался» Август, – ты копался в вещах матери и нашел компрометирующие ее письма?

– Не буду отпираться, я обыскал ее кабинет и действительно нашел несколько писем. Кстати, ты не знаешь, зачем женщины хранят весь этот хлам? Письма, засушенные цветы, прядь волос?..

– Тебе не понять, – отмахнулся Август. – Так что там с письмами?

– Письма двусмысленные, – криво усмехнулся Ренар, – но однозначно против матери не свидетельствуют. Да и подписаны инициалами. Мне потребовалось довольно много времени, чтобы узнать, кто такой этот К. Б. Но терпение и труд все перетрут, знаешь ли.

– Так ты вломился в дом ла Бери?

Кого-нибудь откровенность Райка могла бы, пожалуй, удивить, но Август, несмотря на смятение чувств, все понял правильно. Это был час торжества Рейнеке-лиса, хитрость которого не могла возместить отсутствие таланта и интеллекта по-настоящему высокой пробы. Триумф посредственности над величием. Где-то так. Но следует признать, рассказ брата – а Райк в любом случае приходился ему братом – ранил Августа. Причинял ему боль. Жег душу. Другое

дело, что Август не мог себе позволить показать слабость. Да и подробности истории могли ему пригодиться в будущем. Любое знание в приют, даже такое гадкое, как это.

– Собираешься пожаловаться в полицию? – усмехнулся в ответ Райк.

Ему нечего было бояться. И он это знал. Райк ведь даже настоящего преступления не совершил. Гадкий поступок, но и только. Да и попробуй докажи, что это правда! Слово против слова, а у Ренара репутация честного парня. Простак, но честный. И это следовало принимать в расчет.

– Зачем? – поднял бровь Август. – Это мне как-нибудь поможет?

– Вряд ли.

– Ну я так где-то и подумал, – кивнул Август. – А что там, к слову, в письмах графини?

– Объяснения в любви... Представь, Юсс, маман и впрямь любила это ничтожество!

– Письма датированы?

– Непременно! – подтвердил Ренар, жадно вглядываясь в глаза Августа, но ничего существенного, по-видимому, там не находя.

– Ее подпись аутентична?

– Без всяких сомнений!

– Письма содержат неоспоримые свидетельства?

– Да, Юсс, – кивнул Райк, – маман прямо так и пишет, «у тебя, мон шер, родился сын, и он похож на тебя цветом волос и глаз».

«И в самом деле, – покачал мысленно головой Август. – Ну что за дурость?! Ладно она. Маман и сейчас-то умом не блещет, а тогда, тридцать лет назад и сразу после родов... Удивляет Конрад. Он-та за каким чертом хранил эти письма? Душу они ему, что ли, грели? Или хотел ее шантажировать? Такой, как он, вполне мог...»

– Молодец! – похвалил он вслух, стараясь не выдать себя ни голосом, ни выражением глаз. – Это все?

– Все? – удивился Ренар, не ожидавший, по-видимому, настолько сдержанной реакции. – Юсс, ты в своем уме?

– Мне кажется, да, – пожал плечами Август. – Или ты ожидал, что я устрою истерику?

– Но ты теряешь титул...

– И становлюсь ублюдком, – закончил его мысль Август. Голос звучал ровно. Лицо оставалось спокойно. Он мог собой гордиться. – Но история-то на этом закончилась, разве нет?

– Нет, – снова улыбнулся Ренар. Улыбка демонстрировала худшие его черты, но Рейнике-лис был уверен: никто, кроме Августа, об этом разговоре не узнает. А притворяться перед бывшим братом – единоутробным, но не родным, – не считал нужным. Наоборот. Своим триумфом он хотел насладиться сполна.

– Я показал письма отцу, – не отпуская улыбку, объяснил Ренар. – Но перед этим я обратился за советом к князю де Э. Я был растерян, видишь ли, и не знал, что мне со всем этим делать.

«Хороший выбор, – согласился Август. – И коварство... элегантное. Что есть, то есть, не отнимешь!»

Князь де Э был ни много ни мало личным конфидентом короля Максимилиана и действительным членом Коллегиум Гросса. И при всем при том это был вполне вменяемый и даже где-то порядочный человек. Одним словом, не дурак, не прохиндей и не сплетник. На каждом углу болтать о ставших ему известными мерзостях не станет, и значит, секрет на какое-то время останется секретом. Однако близким ему людям, включая, разумеется, короля, расскажет, поскольку сочтет это правильным поступком. А в результате – лавина сошла с гор, и Август оказался на ее пути: провал на выборах в Коллегиуме, королевская опала и дополнительный повод старому графу не искать никакого компромисса. Вернее, не соглашаться на него, если предложит кто-нибудь другой.

«Элегантно... но...»

Август вдруг понял, что чего-то в этой истории не хватает. Какого-то завершающего штриха. И ведь он думал уже об этом, имея в виду Агату и ее таинственный визит в палаццо Феарина...

– А к Агате ты зачем ходил? – спросил он вслух, чтобы расставить все точки над «i».

– Исключительно из вредности, – довольно улыбнулся Ренар. – Хотелось, знаешь ли, *братец*, раздавить тебя окончательно. Что скажешь: у меня получилось?

Скрывать правду не имело смысла, не говоря уже о том, что унижительно. Все равно ведь узнает или, возможно, знает уже. В любом случае пыжиться показалось неразумным.

– Получилось, – кивнул Август. – Ты преуспел, Райк. Агата уезжает с мужем в Петербург и попросила его величество закрыть мне туда дорогу. Похоже, ты лучше меня разбираешься в людях, Райк. Иметь в любовниках графа – это одно, а незаконнорожденного, на которого теперь будут пялиться все кому не лень, – совсем другое. Я ведь по статусу теперь даже не дворянин...

Последнее было сомнительно: вилла Аури в любом случае оставалась его собственностью, и хотя титула, привязанного к «земле и замку», не имела, дворянство своему хозяину обеспечивала, так как досталась ему в наследство, а не была приобретена за деньги. Однако рассказывать об этом Ренару Август счел лишним.

«Пусть радуется пока...» – подумал он мимоходом, но развивать эту мысль не стал. Еще успеется.

*Палаццо Феарино,
девять часов вечера прошедшего дня*

Возможно и даже скорее всего, ходить этим вечером на прием в королевский дворец Августу не стоило. Но он все-таки пошел и испил свою горькую чашу до дна. Мажордом обозвал его попросту «господин Август Агд», даже не соизволив ради приличия назвать кавалером. Большинство гостей – в основном бывшие друзья и родичи – отводили глаза, демонстрируя холодность и отчуждение. Недоброжелатели же, напротив, смотрели во все глаза и горели желанием поговорить. Лицо Агаты при виде Августа пошло красными пятнами, барон ван дер Коттен наградил презрительным взглядом, а король Максимилиан сыграл труса. Сбежал из собственного тронного зала, лишь бы не оказаться лицом к лицу с Августом и быть вынужденным с ним говорить. Вот тогда Август и решил покинуть свет: ушел с приема, сменил на Кожевенной улице карету на коня и погнал Жоффрея в ночь.

Глава 2

Теа д'Агарис, графиня Консуэнская

Вилла Аури, день первый, ночь

Гнев не угасал. Не помогал и алкоголь. Ярость клокотала в груди, сжимала виски, застилала взгляд кровавым туманом. Август агонизировал. Но чем яростнее он ненавидел, тем сильнее был его личный протест против того жалкого положения, в котором он оказался. Негодование не только вызывало нестерпимую душевную боль, но порождало также злость, которая должна была – просто обязана – излиться вовне, воплотиться в нечто, способное «повернуть колесо вспять». Надо было только придумать, как это сделать практически. И такой способ неожиданно нашелся.

Разумеется, свою роль сыграли и алкоголь, и душевная смута. Августом овладел род творческого безумия, маниакальной страсти, когда принятое решение не подвергается никакой, даже самой слабой критике. В таком состоянии легко убить врага или как минимум того, кого назначило быть врагом спутанное сознание человека, которым овладело это темное наваждение. В таком помутнении разума совершаются самоубийства и принимаются решения, которые никогда не были бы приняты, будь человек в здравом уме и твердой памяти. А вот про Августа такого не скажешь. Он явно был не в своем уме, притом, что в рамках своего безумия мыслил ясно, быстро и вполне рационально. И его безукоризненная память, служившая ему сейчас, как и всегда, верой и правдой, была отнюдь не той «твердой памятью», которую имеют в виду нотариусы и стряпчие.

«Что ж, – думал он, стремительно спускаясь в подземелье, устроенное ниже подвального этажа Старой башни, – вы сами накрыли на стол! Посмотрим, как вам понравится продолжение банкета! Я повар не из последних – вы об этом просто забыли, а зря!»

То, что собирался сделать Август, лежало за гранью добра и зла. Это было комбинированное колдовство, точную формулу которого во всем мире знал пока один лишь Август. Он сам его рассчитал и сам создал практический ритуал. Другие – немногие из тех, кто вообще способен такое измыслить, – не пошли дальше теоретических рассуждений. Не смогли решить задачу практически. Август смог, но и он, скорее всего, никогда не воплотил бы это колдовство в жизнь, если бы мог сейчас рассуждать трезво. К сожалению – или, напротив, к счастью, – сознание его было омрачено гневом, ненавистью и алкоголем и он не мог взглянуть на происходящее критически. А план, так неожиданно возникший в его блистательном уме, казался Августу поистине гениальным. В случае удачи – а ничего иного он от своего экстремального «эксперимента» и не ожидал – Август мог вернуть себе все, что с такой легкостью отняли у него в этот день зависть окружающих, их двуличие, фанаберия, равнодушие и жадность. Он мог снова подняться к сияющим высотам, став кем-то, кому уже не нужен будет жалкий титул графов де Ламар или кресло Гроссмейстера в Коллегиум Гроссе. Он поднимется куда выше, и вот тогда он посчитается со всеми, кто достоин его ненависти. Он ведь темный маг, ему на роду написано стать злодеем. Только не мелким, как единоутробный Ренар, а по-настоящему великим. То, что этого до сих пор не случилось, было лишь его личным выбором. Но решения подобного рода легко поменять, что Август, собственно, и собирался сделать.

Итак, первым делом он спустился в подземелье, где хранились все самые опасные и редкие ингредиенты, необходимые как для алхимических трансформаций, так и для гримуаров⁷ низшей магии. Вообще, разделение магии на высшую и низшую не совсем справедливо. В выс-

⁷ В данном контексте **гримуар** – не книга, содержащая заклęcia и формулы призыва демонов, а сами формулы колдовства.

шей магии полно относительно простых и незатейливых манипуляций и формул, которыми с легкостью овладевают даже такие слабые таланты, как тот же Рейнеке-лис. С другой стороны, низшая магия, которую недалекие люди считают уделом одних лишь сельских целительниц и прочих лиц подлого звания, на самом деле включает в себя множество сложнейших ритуалов, гримуаров и арканов, которые не по зубам даже некоторым из членов Коллегиум Гросса. Между тем в колдовстве – тем более в темной его ипостаси – есть такие области, в которых инструменты и методы высшей магии попросту бесполезны. То же колдовство, которое задумал осуществить Август, и вовсе являлось сложнейшей компиляцией средств и техник, принадлежавших и низшей, и высшей магии. Такие комплексы невероятно сложны для овладения и использования. В них слишком много мелких деталей, каждая из которых важна и должна появиться в свое время на своем месте. Что уж говорить о тех людях, кто способны эти комплексы создавать...

Август работал над своим комплексом в течение многих лет. Трудился упорно и вдохновенно, даже притом, что всегда знал – эту волшебную он никогда не посмеет воплотить в жизнь. И тем не менее настал день – вернее, ночь, когда он даст волю своей мечте и своему таланту. Сомнения были отринуты – их прогнали прочь кальвадос и черный гнев – и Август начал собирать все, что было ему необходимо для проведения ритуала. Список был длинный, но Август знал его наизусть. Каждую деталь, любую подробность.

«Свечи красного воска... кровь адепта... акантовый бальзам... миндальное и кунжутное масло... черные свечи... палочки розового дерева и дерева сиссу...»

Август снимал с полок сосуды и склянки, шкатулки и ларчики, каменные и глиняные фляжки, отбирал необходимое и складывал в две большие плетеные корзины. Закончив в первом «каземате», он перешел во второй. Здесь в сухих, защищенных магией ларях и сундуках хранились реликвии и «вещественные свидетельства». Ими он заполнил третью корзину и поспешно вернулся в кабинет. Здесь он наполнил яблочным бренди серебряный стаканчик, из которого пил этой ночью, и пошел в библиотеку.

– Что ж, время пришло! – Август остановился перед портретом графини Консуэнской и посмотрел на нее долгим взглядом, пытаясь отыскать хоть одну черточку или деталь, которую он помнил недостаточно хорошо. Но таких попросту не было и не могло быть. Слишком часто рассматривал Август этот портрет, как, впрочем, и другие изображения этой женщины. Ростовый портрет, что висел в картинной галерее палатцо Феарина, другой – принадлежащий герцогам Конти, и, разумеется, те карандашные наброски великого Доменико Бигорди, которые хранятся в собрании братьев Корио.

Теа д'Агарис, графиня Консуэнская – признанная красавица и темная колдунья невероятной силы – умерла более века назад. У нее не было дипломов, и никто не знал, где и у кого она научилась тому, что умела делать лучше всех в своем поколении. Даже перечень ее способностей и границы ее истинной силы так и остались неизвестны. Нераскрытой осталась и тайна ее происхождения. Теа носила фамилию первого мужа – д'Агарис – и титул второго. Говорила и писала она по-французски, но Август, скупивший едва ли не все известные письма графини Консуэнской и добывший ее собственный дневник, имел основания считать, что родным языком Теи д'Агарис был один из славянских языков. Но какой именно, он так до сих пор и не вычислил. Польский? Возможно. Русский? Не исключено. Чешский? Все может быть...

Авадонская пуща, поляна в километре от виллы Аури, день первый, ночь

Эту поляну Август подыскал загодя, на такой как раз случай, хотя и не имел в виду именно этот комплекс. Серьезное колдовство – а темное в особенности, – всегда лучше осуществлять на природе и ночью. Ну а если в глубине дремучего леса да под волчьей луной – вообще удача.

– Здесь, – кивнул Август Катрине и Огюсту, принесшим на поляну три плетеных корзины. – На этом все! Спасибо! Идите домой и забудьте, пожалуйста, все, что вы здесь видели.

– А мы ничего и не видели, господин граф, – ответил за двоих Огюст и, отвернувшись, повел Катрину по тропе, едва заметной в свете лампы «летучая мышь».

«Надо будет провести завтра беседу со слугами, – отметил мысленно Август, приступая к сооружению инсталляции, – нечего им называть меня графом, коли я больше не граф!»

Впрочем, уже через несколько минут он и думать забыл обо всем, что не имело прямого отношения к его колдовскому комплексу. Подготовка требовала довольно много времени и невероятной тщательности в деталях. Ведь Август задумал ни много ни мало как воссоздать божественное тело молодой Теа д'Агарис, что считалось попросту невозможным, и, пользуясь затем этим телом как приманкой, вернуть в мир живых душу покойной графини, находившуюся сейчас в нигде и никогда Великого Посмертия. За всю писаную историю было совершено всего лишь две успешных попытки найти где-то там искомую душу, пробудить угасшее сознание и вернуть его в мертвое тело. Всего два удачных случая колдовства при бесчисленном количестве попыток. Но, следует отметить, в обоих случаях речь шла о недавно преставившихся людях. Август же собирался найти душу женщины, скончавшейся более века назад, и вселить ее не в родное тело, а в тело, воспроизведенное «по образу и подобию». Такого не делал вообще никто и никогда, и если колдовство удастся, то завтра благоволения Августа будут добиваться все те, кто отвернулся от него сегодня. Ему не понадобятся уже ни титул графа – любой европейский монарх почтет за честь даровать ему княжеское или герцогское достоинство, – ни звание Гроссмейстера. Он и так станет самым великим колдуном своего поколения, войдя в этом звании в мировую историю.

И ведь это только часть того, что случится, если ему удастся вернуть в мир живых Теа д'Агарис, графиню Консуэнскую. Существовала вероятность, и притом достаточно большая, что в этом случае сработает эффект «творца и модели» и между Теа и Августом возникнет взаимное чувство. А любовь такой красивой, умной и талантливой женщины – это уже само по себе награда. Не говоря уже о никому не ведомых приемах колдовства, которым она могла бы его обучить, и о тех несметных сокровищах, которыми она владела при жизни, но которые так и не были найдены после ее смерти. Графиня обладала замечательным даром не только находить спрятанное – клады в основном, – но и прятать сокровища так, чтобы никто уже не нашел.

Когда Август закончил последние приготовления, луна уже скрылась и до рассвета оставались считанные минуты. Но рассвет, если подумать, ничем не хуже глубокой ночи. Призрачная грань между мирами истончается на обеих границах дня – на рассвете и на закате, – так что колдовать придется пусть и не ночью и не под волчьей луной, но все-таки в один из самых благоприятных моментов суток. Впрочем, зачтется и то, что все приготовления, включая некоторые базисные процедуры гоэтии⁸, гримуары и арканы, Август успел провести именно под полной луной. Теперь же наступило время великой волшбы.

Август снял сапоги и встал босыми ногами на пенёк, оставшийся от старого дуба. Сейчас он находился в центре сложной инсталляции, отчасти нарисованной на голой земле чертами стилоса, горками толченого угля, смешанного с различными маслами, алхимическими тинктурами и сухими травами, отчасти собранной из трех типов свечей, палочек, выструганных из древесины семи различных пород, золотых самородков, серебряных монет и пяти первых камней: алмазов, рубинов, изумрудов, сапфиров и топазов. Прямо перед ним в пяти метрах от края управляющей инсталляции начиналась фокусная инсталляция. Там, в круге, очерченном с помощью чистейшего кварцевого песка, и должна была возродиться блистательная Теа д'Агарис.

⁸ **Гоэтия** (др.-гр. «колдовство») – средневековая магическая традиция вызывания демонов и составления талисманов.

Август начал с того, что зажег свечи. Они вспыхивали одна за другой, и, по мере того как на земле возникал сложный трехцветный рисунок, образованный красными, черными и желтыми свечами, оживал и так называемый объективированный гримуар. Вскоре Август почувствовал, как созданные им и уже начавшие «работать» инсталляции тянут энергию из земли, воды и воздуха, из растений – деревьев и трав – и из живых организмов, из попавших в тенета магии птиц и зверей. А между тем потревоженные набравшей силу волшбой, начавшей стремительно разворачиваться во времени и пространстве, по краям поляны стали собираться элементы. Эти полумразумные стихийные духи были привлечены эманацией магии и, сами того не замечая, встраивались в быстро растущий аркан невероятного по сложности колдовства.

Все это время Август контролировал происходящее, корректируя отдельные элементы волшбы с помощью вербальных формул и «Слов силы». Но вот наступил момент, когда должен был начаться процесс воплощения, и Август не мешкая открыл доступ к исходной информации. Пали установленные заранее барьеры, рассыпался в прах сундук из заговоренного дерева, и магические потоки устремились к объектам, хранившим память о Теа д'Агарис. Это были вещи, которые с большим трудом и за немалые деньги Август собрал за прошедшие годы: прясть волос, которую двадцатилетняя женщина оставила на память Густаву де Фуа, ее щетка для волос – Теа пользовалась ею, когда жила в Венеции, дневник, который графиня Консуэнская вела на протяжении нескольких лет, прожитых ею в Вене, и, наконец, ее бальное платье, чудом сохранившееся в гардеробной замка у Холодного ручья.

Сначала ничего не происходило, но уже через несколько минут, в течение которых Август читал вслух «Большой речитатив творения», он увидел, как устремились к формирующему фокусу подхваченные магическими потоками тоненькие, похожие на туманную дымку струйки разнородных элементов. Живое и неживое смешивалось и преображалось, и вот уже в круге творения «фокусной» инсталляции начал формироваться скелет женщины. Это было невероятное зрелище, но еще грандиознее выглядел сам процесс, видеть который Август мог только внутренним зрением. Едва ли не по всей пуще умирали сейчас волки, медведи, косули и кабаны, их жизненные силы подпитывали процесс воплощения, а элементы, из которых состояли их организмы, шли на формирование возвращающегося из небытия божественного женского тела.

Женщина возникала из ничего, постепенно обретая плоть и форму. Зависнув в метре над землей, ее тело медленно вращалось, охваченное зеленоватым пламенем творения, и с каждым новым оборотом она становилась все более и более реальной, в ней возникало все больше черт, принадлежавших когда-то молодой Теа д'Агарис. Вращение прекратилось в тот момент, когда закончилась первая Большая волшба и началась вторая. Тело графини перешло из вертикального положения в горизонтальное, как если бы она возлежала теперь на невидимой поверхности все в том же метре над землей, и Август направил «Поток жизни». Сейчас он лишь превращал мертвое тело в живое, заставляя забиться не умеющее работать сердце. Надо было запустить кровоток и помочь легким наполниться воздухом. Однако в живом организме так много жизненно важных органов, каждый из которых работает не только сам по себе, но и в гармонии с остальными, что Август форменным образом вспотел, пока сумел завершить процесс. И вот лежащая перед ним женщина сделала первый вдох. Ее мозг принял управление над процессами жизнедеятельности, и она ожила, но все еще не проснулась, поскольку просыпаться пока было некому. В этом совершенном теле уже поселилась жизнь, но по-прежнему не было души.

Теперь наступила третья Большая волшба. И вот здесь никакие инсталляции помочь уже не могли. Они свою задачу в принципе выполнили и сейчас лишь подпитывали Августа так необходимой ему силой. Начиналась чисто вербальная или, лучше сказать, интуитивно-вербальная волшба. Высшая магия, если угодно, а не низшая, поскольку Август не демона призывал, а должен был найти где-то в «нигде и никогда» бессмертную душу Теа д'Агарис и разбу-

дить ее от посмертного сна. Это потребовало от него предельной концентрации всей его воли. Там, куда медленно, но верно двигалась, прожимая Барьер, его собственная душа, действовали совсем другие законы и принципы. Прежде всего, в «нигде и никогда» нет пространственных и временных координат. Движение там означает нечто совсем другое, чем в вещном мире. Там нет света и нет тьмы. Нет пространства в обычном понимании этого слова и нет жизни. И в то же время там есть «глубина» и «протяженность», «направления» и «время», являющееся всего лишь тенью обычного времени или, лучше сказать, его изнанкой.

Август здесь уже бывал прежде и худо-бедно представлял себе, чего ожидать, но не смог бы, хоть убей, объяснить это кому-нибудь другому с помощью тех самых слов, которые и позволили ему преодолеть Барьер. А за Барьером все стало еще сложнее, и Август был вынужден применить магию там, где она являлась чужеродной, если не сказать, враждебной сущностью. Это следовало учитывать, чтобы не случилось беды. «Нигде и никогда» накладывало жесткие ограничения на то, что мог сделать колдун, когда его душа проходила сквозь Барьер. И все это притом, что формулировать арканы вербальной магии приходилось, оперируя одними лишь смыслами. У души, вошедшей в этот потусторонний мир, не было больше звучащей речи. Только понятия, объединяющие смыслы и значения, формирующие арканы и гримуары. Но ни о чем подобном Август, разумеется, не думал, он работал, и работа его была невероятно сложна.

Он убирал одно препятствие за другим, обходил ловушки, лавировал среди потоков неведомых ему, но воспринимаемых магическим даром энергий. И, в конце концов, он нашел Теа. Узнавание было мгновенным, хотя с тем же успехом могло длиться вечность: в мире, где нет течения времени, измерить продолжительность события практически невозможно. Впрочем, так или иначе, но это была Теа, и Август с ходу попытался ее разбудить...

По-видимому, он *что-то сделал не так*. Возможно также, что дело было не в нем, а в ней: душа колдуньи, тем более такой сильной колдуньи, какой была при жизни Теа д'Агарис, могла сильно отличаться от всех прочих душ. Имелись наверняка и другие не менее веские причины тому, что *что-то пошло не так*. Однако не суть важно, что явилось причиной катастрофы, имел значение лишь тот факт, что ведьма *наотрез отказалась* покидать сонный покой в «нигде и никогда» и даже умудрилась выбросить оттуда самого Августа. Впрочем, не исключено, что он просто потерял на условное мгновение контроль, и его выдавило обратно за Барьер внутреннее давление этого потустороннего мира или, напротив, притянуло собственное тело, остававшееся в вещном мире. Так или иначе, но едва он попробовал разбудить дремлющую в покое душу графини Консуэнской, как что-то разрушило сформулированные им арканы, гримуар распался, и Август нашел себя стоящим на пне посередине лесной поляны. Магия инсталляций продолжала работать, но ее интенсивность уже пошла на убыль.

Август был выжат как лимон. У него даже не оставалось сил на то, чтобы осознать, что его постигла неудача. Тем более он не смог бы сейчас заняться ретроспективным анализом катастрофы, погубившей его великое колдовство. Август поднял глаза к небу, которое за время его «отсутствия» успело поглубеть, покачнулся, и в этот момент женщина, по-прежнему левитировавшая лежа в метре над землей, пришла в себя и заорала так, словно ее сейчас резали или сжигали на костре. Не отдавая себе отчета в том, что он делает и зачем, но следуя развитой интуиции могущественного колдуна, Август сорвался с места, преодолел в три прыжка разделявшее их расстояние и, подхватив бьющуюся в истерике женщину на руки, вверг ее в глубокий сон. В его распоряжении было едва ли не два десятка способов наслать на человека сон, но на ум сейчас пришла только формула *alto somno sopitus*⁹, и это означало, что в ближайшие двенадцать часов заниматься женщиной ему не придется.

⁹ Погруженный в глубокий сон (лат.)

Вилла Аури, день первый, два часа дня и позже

Он не помнил, как добрался до кровати. Впрочем, как возвращался в дом из леса, тоже как-то не запомнилось. Но, судя по всему, дошел, поскольку, проснувшись, нашел себя в собственной постели. Правда, спал одетым, хотя и без сапог. Однако сапоги он, кажется, как снял перед волшбой, так больше и не надевал. Следовательно, они остались на поляне, а домой он шел босиком...

«Босиком... – повторил он мысленно, – и с женщиной на руках!»

Вспомнив о женщине, Август вспомнил и все остальное. И это «остальное» было настолько грандиозно, что не умещалось в голове. Уподобившись богам, он создал человека, женщину, воссоздав ее, опираясь на ничтожное количество витальных и вещных «воспоминаний», сохранившихся в принадлежавших ей когда-то вещах.

«Теа д'Агарис! – Последние остатки сна смело напрочь, и Август вскочил на ноги. – О, боги! Теа д'Агарис!»

Увы, победа оказалась неполной. Графиня категорически отказалась возвращаться в мир людей, и вместо нее в ее божественном теле поселился кто-то другой. Вопрос – кто? Определенно можно было утверждать лишь одно: это женщина и это не та женщина! Разумеется, этот факт ничуть не умалял того, что совершил Август. Его волшба была поистине великой, таким грандиозным колдовством, что Августу впору было почувствовать настоящее одиночество: рядом с ним, на этих «сияющих высотах», не было никого. *Их всех* – всех этих неучей и завистников – отсюда даже видно не было. Они остались далеко внизу...

«Но как же жаль все-таки, что она не захотела вернуться!» Это было не просто сожаление. Август испытывал острое чувство утраты, но злоба дня уже стучала в его двери, требуя немедленных действий. А душевные муки вкупе с его гневом и обидами вполне можно было оставить на потом.

«Потом! Все потом!»

Как был – босиком и в измятой, пропотевшей одежде – Август выскочил из своих покоев, одновременно призывая слуг нетерпеливым звоном колокольчика.

– Где женщина? – крикнул он старику Огюсту, едва завидев его, спешащего на призыв через анфиладу парадных покоев.

– Не извольте беспокоиться, господин граф! Она в покоях «Листопад». Как уложили ее на рассвете, так и спит. Я к ней Маленькую Клод приставил, рядом сидит – вдруг что понадобится...

– Спасибо, старик! – улыбнулся Август, у которого даже от сердца отлегло. – Пойдем со мной!

– А ты, – повернулся он к молодому комнатному лакею, имени которого все еще не запомнил, – собирай всех слуг в Круглом зале. Я скоро спущусь.

Отдав это распоряжение, Август вернулся в спальню.

– Вот! – протянул он вошедшему вслед за ним слуге свой кошелек. – Тут немного серебра и пара золотых. Скажи Катрине, чтобы не скупилась. Пусть соберет у женщин все, что у них есть красивого... Конечно, по размеру нашей гостьи. Ну там рубашку ночную, шлафрок... Впрочем, откуда у них шлафор?!¹⁰ Возьми мой, который шире. Зеленый, что ли... Нужны также платье, нижние юбки, чулки какие-нибудь и башмаки. Ну она знает, наверное, что да как!

– Будет исполнено! – степенно склонил голову старик, принимая деньги.

– Хорошо! – Август прошелся по комнате, составляя в уме подробный список первоочередных дел. – У нас в доме кто-нибудь умеет снимать портновские мерки?

– Я умею, – сразу же ответил безотказный Огюст. Он и в самом деле знал и умел великое множество вещей, но вот про снятие мерок Август слышал впервые.

¹⁰ Шлафрок, или шлафор – домашний халат.

– Seriously? – поднял он в удивлении бровь. – А чем будем мерить?

– У меня на такой случай припасен портновский метр.

– Молодец! – похвалил Август. – Тогда так. Сейчас я поговорю со слугами, а потом мы пойдем к нашей гостье и снимем мерки. Я хочу после этого принять ванну, так что не забудь распорядиться, чтобы воду нагрели, а ты собери в дорогу гонца. Пусть скачет на Кожевенную улицу и передаст мой приказ Сейри. Надо подобрать женский гардероб на первое время, собрать мои вещи и съехать с квартиры. Она мне больше не нужна, поэтому пусть Сейри едет сюда. Только сперва надо снять с дверец кареты графские гербы. Не забудешь?

– Никак нет! – Вопрос с гербами явно озадачил старого слугу, но спросить Августа напрямую он не посмел.

– Хорошо! – кивнул Август. – Иди тогда за метром. Деньги на покупки я сейчас принесу.

Август прошел в свой кабинет, открыл вмурованный в стену и скрытый заклинаниями денежный ящик, достал из него два кошель с золотыми флоринами и пошел говорить со слугами. Смысл его послания был прост: Август никого не принимает.

– Если кто сунется, – приказал он, – отвечать, что я болен и, должно быть, скоро помру. Ни с кем мои дела не обсуждать – ни с господами, ни со слугами... и перестаньте называть меня сиятельством и графом. Я больше не граф!

Ближе к шести вечера Август распорядился приготовить для гостьи ванну и одежду на первое время – скромное, но симпатичное платье, чулки и туфли, – а сам расположился в кресле, поставленном как раз напротив кровати. Он ожидал пробуждения женщины с минуты на минуту и, честно говоря, не знал, какой будет ее первая реакция. Все зависело от того, кто она, сколько ей лет и как она попала в тело Теа д'Агарис. Сама ли она захотела вновь обрести плоть и вернуться к жизни или ее втянуло туда магическим потоком? В любом случае доверить служанке первую встречу с незнакомкой было бы верхом неосмотрительности. Поди знай, как там все повернется! Поэтому Клод ждет в соседней комнате, готовая прийти по первому зову. Август же сидит в кресле, попыхивает трубкой с длинным мундштуком и смотрит на красавицу.

Действительно красавица. Идеально сложена – Август убедился в этом во время снятия мерок, – стройна и высока, и кроме тонких, можно сказать, изысканных черт лица демонстрирует все три классических признака темной колдуньи. Ну или ведьмы, если говорить простым языком. У нее темно-рыжие, вернее, цвета благородной бронзы волосы, смуглая кожа и зеленые глаза, которых сейчас, увы, не видно. Веки опущены. Лицо спокойно. Теа д'Агарис спит, лежа на спине, и, похоже, видит сны. Можно было бы попробовать подсмотреть, но Август боялся допустить оплошность. Имея дело с неизвестностью, лучше не торопить события. Ведь если Теа – «Ну, пусть пока будет все-таки Теа!..» – застанет его за «подглядыванием», можно одним махом растратить весь кредит доверия, которого он еще не успел даже заслужить.

«Спи, красавица, спи! – думал Август, попыхивая трубкой. – Я здесь, и я терпеливо жду... Вопрос – чего я жду?»

Она проснулась буквально через несколько минут. Открыла глаза, улыбнулась и, разведя руки в стороны, потянулась. Мурлыкнула на кошачий манер, явно довольная своими ощущениями, повернулась на бок и увидела Августа. Наградила непонимающим взглядом изумрудно-зеленых глаз, нахмурилась и что-то спросила на незнакомом языке. Что-то короткое, типа «а ты еще кто такой?» Добавила фразу или две – чужой язык, незнакомый синтаксис, – и поспешила подтянуть одеяло к подбородку.

«Ну хоть не заорала, и на том спасибо!» – отметил Август, боявшийся, если честно, что дело кончится истерикой. А истерику поди потом прекрати...

– Вам нечего опасаться, сударыня! – как можно мягче сказал он и сделал успокаивающий жест. Из осторожности – чтобы не напугать незнакомку еще больше – кресла он не покинул.

Женщина хмурилась, выглядела обескураженной, взгляд ее беспокойно метался по комнате, то и дело задевая Августа. Впрочем, обошлось все-таки без истерики.

– Вы в безопасности! – поспешил добавить Август.

На этот раз она ответила довольно длинной тирадой. Голос у нее оказался низким, хрипотцой, но это могло быть следствием ее физического состояния. Интонации узнаваемые и вполне соответствуют ситуации, ну а что касается языка, Август по-прежнему затруднялся опознать его даже приблизительно. Какой-то славянский. Может быть.

– Извините, сударыня, но я не говорю на вашем языке. – Он позволил себе скромную улыбку и продолжил: – Может быть, вы знаете немецкий или итальянский?

– Ital'ano? – переспросила женщина, хмуясь еще больше.

Ну как минимум она знала это слово, однако, как тут же выяснилось, по-итальянски не говорила, точно так же, как не знала она немецкий и французский языки. В следующую пару минут Август попробовал говорить с ней на латыни, древнегреческом и древнееврейском, но все впустую. Испанский и арабский языки не подошли тоже. Зато выяснилось, что кроме предположительно славянского женщина говорит еще на двух незнакомых Августу языках. Один из них он неуверенно опознал как родственный древнегерманскому. Зато о втором у Августа даже предположений не возникло.

– Что ж, – разочарованно вздохнул он, – общего языка у нас пока нет, но не будем отчаиваться!

Он позвонил в колокольчик, заставив женщину вздрогнуть – чего он, естественно, не желал – и, дождавшись, когда в покои войдет Маленькая Клод, указал на нее пальцем:

– Клод, – назвал он девушку по имени и показал пальцем на себя, – Август. Клод. Август. Ты? – указал он на незнакомку.

Этот вопрос она поняла, но это было и несложно – контекст способствовал. Она выпростала руку из-под одеяла и, указав поочередно на Августа и Клод, сказала:

– Август. Клод.

Август ее догадку подтвердил кивком. Женщина тоже кивнула, но скорее себе, чем ему. Затем указала на себя и назвалась. Прозвучало как «Танья».

– Та Наа? – переспросил Август, вспомнивший девушку, которую звали Та, но женщина отрицательно качнула головой:

– Танья, Тациана.

– Танья, – согласился Август, отказавшись для простоты от второго варианта, и осторожно встал из кресла.

– Клод, помоги даме принять ванну и одеться, – распорядился он. – Я буду ждать ее через час в Кавалерском зале.

Дав указания, он коротко поклонился женщине и вышел из ее покоев.

Знакомство продолжили за накрытым столом. Август распорядился сервировать его так, чтобы гостя села рядом с ним: он на своем обычном месте в торце стола, она – справа от него. Не по этикету – ей следовало бы сесть с противоположного края и тоже в торце стола, – но зато удобно в плане общения и обучения, если в этом окажется необходимость. Август ведь не знал, кто она, где росла и умеет ли обращаться со столовыми приборами. К тому же, не имея общего языка, полагаться приходилось на выражение глаз и лица, улыбку и прочие инструменты мимики. Ну и личный пример, разумеется. Куда же без него?

Впрочем, за стол женщина сразу не села. Постояла в дверях. Недолго, но достаточно, чтобы осмотреть зал. Август ее не торопил, понимая, что госте нужно время освоиться. Терпеливо ждал, стоя у стола. Смотрел, как она входит, идет к столу, оглядывает слуг, вошед-

ших одновременно с ней и замерших, встав в линию со своими подносами. Двигалась она как-то неловко, угловато, дергано. Одним словом, без изящества. Немного сутулилась, на лице – выражение озабоченности, в зеленых глазах – тревога. Но с другой стороны, как бы он сам повел себя, окажись на ее месте? Трудный вопрос. Неоднозначная ситуация.

– Прошу вас, сударыня! – улыбнулся Август, дав женщине оглядеться, и жестом пригласил занять место за столом.

Стул он подвинул ей сам. Незнакомка посмотрела ему в глаза – без стеснения, отметил Август, – кивнула, как бы благодаря за предложение.

– Немного вина? – спросил Август.

Женщина его слов, разумеется, не поняла, зато увидела, что слуга хочет налить в ее бокал вино и ждет разрешения. Кивнула. Сказала что-то неразборчивое, добавила после короткой паузы еще пару слов, криво усмехнулась и, взяв бокал, понюхала вино. По-видимому, запах ее не разочаровал, и она сделала аккуратный глоток. Не по этикету, но утешает хотя бы то, что женщина знает, о чем идет речь.

В следующие полчаса Август узнал, что ест она немного, предпочитая рыбу, зелень и фрукты, пьет еще меньше и умеет пользоваться столовыми приборами. Не всеми, но как минимум основными. Заминка вышла с водой. Споласкивая в поданном ей тазике пальцы – с этим она разобралась не без помощи Августа, показавшего пример, – женщина объяснила жестами, что хочет пить не вино, а воду. Несколько разумных движений, сопровождаемых речью на все том же неизвестном Августу языке, – и он ее понял, хотя и удивился. Кто же пьет за обедом воду? Тем не менее приказал принести кувшин родниковой воды. Женщина его поступок оценила и, получив бокал с водой, благодарно улыбнулась.

За десертом Август решил выяснить некоторые небесполезные для дальнейшего общения детали. Воспользовавшись пирожными, он уточнил с гостьей счет на пальцах, установив, что они с ней одинаково понимают числовые значения, хотя женщина считала, загибая пальцы, тогда как он их разгибал. Ее это, впрочем, не удивило. Похоже, она уже встречалась с подобным методом. Но главное все-таки счет.

Встав из-за стола, Август показал сначала на себя, а потом продемонстрировал разные отрезки высоты от пола. До колена – один палец, до пояса – семь пальцев, до плеча – тридцать пальцев. Теперь он снова показал на себя и начал считать пальцы. Один десяток, второй, третий – тридцать лет. Женщина его поняла. Кивнула и, показав на себя, отсчитала два десятка пальцев и еще один.

– Двадцать один год, – удовлетворенно улыбнулся Август.

Практически тот же возраст, в котором Теа д'Агарис срезала локон, послуживший исходным материалом для воссоздания ее тела. Начало обнадеживало, хотя Август и не знал пока, что за дорога открывается перед ним и как далеко он готов по ней пройти. Все зависело сейчас от женщины. Свою часть работы он выполнил, двигаться дальше он мог только вместе с ней.

После обеда Август предложил гостье руку, которую она, поколебавшись, все-таки приняла, и повел показывать дом. Вилла Аури небольшая, но и в ней есть на что посмотреть. Танья выглядела заинтересованной, но удивить ее, похоже, Август не сумел. Ничего нового для себя она, по-видимому, не увидела, хотя и проявила некоторый интерес к гобеленам, наборному паркету и шелковым обоям. Впрочем, самое интересное случилось, когда они пришли в личный кабинет Августа.

Просторное помещение едва освещалось огнем в камине да горящими свечами в двух торшерах по обе стороны рабочего стола. На его широкой столешнице стояло множество разнообразных предметов, необходимых Августу в работе, лежали книги и бумаги. Женщина вошла в это пятно света, подошла к столу. Взглянула вопросительно на Августа, словно спрашивала, удобно ли полюбопытствовать. Август не возражал. Ему было интересно, что именно заинте-

ресует гостью больше всего, и заинтересует ли что-нибудь вообще? И она его не разочаровала, выбрав для начала наброски гороскопа, оставленные Августом дня три назад с краю стола. Однако, как тут же выяснилось, заинтересовали женщину не сами кроки, а инструменты, которыми пользуются составители гороскопов: циркуль, шаблоны и, наконец, логарифмическая линейка Отреда, которой, как тут же выяснилось, она умела пользоваться.

«Неисповедимы пути богов! – восхитился Август. – Она знакома с математикой?»

О да! Так все и обстояло! И даже лучше, потому что, пролистав первую же из спешно принесенных Августом книг, Таня с ходу опознала теорему Пифагора, даже произнесла имя великого геометра, причем именно на латинский, а не греческий лад. Но дальше – больше. Буквально за несколько минут Август узнал, что женщина знакома с латинским алфавитом – и, значит, умеет читать хотя бы на одном европейском языке, – знает римские и арабские цифры и, очень может быть, разбирается не только в геометрии, но и в алгебре, что было совсем уже невероятно.

«Великие боги, да кто же ты такая?!» – недоумевал обескураженный открывшимися фактами Август.

В самом деле, знание математики – тем более имея в виду женщин, – никак не назовешь обычным делом. Но тогда непонятно, как настолько образованная женщина может не знать французского языка и латыни.

Чудеса, да и только!

Однако недоумение – не повод опускать руки. Напротив – это стимул, чтобы продолжать поиски.

«География! – сообразил Август. – Если она настолько образована, возможно, она знакома также с географическими картами!»

Он не ошибся. Таня действительно знала географию и легко ориентировалась в отображениях поверхности земли в проекции Меркатора. Перелистав тяжелые страницы атласа Ортелия, она уверенно нашла Париж, прочла, пусть и с ошибками, название города, ткнула пальцем и вопросительно посмотрела на Августа.

– Август? Клод?

Что ж, получалось, что, не зная французского языка, Таня все-таки опознавала его на слух, связав говорившего по-французски Августа с Французским королевством, местоположение которого было ей известно.

– Нет, – покачал Август головой. – Не здесь. Генуя, – показал он на карте. – Вот здесь!

Женщина кивнула, принимая его ответ, и стала перелистывать страницы атласа дальше.

– Таня! – уверенно ткнула она пальцем в город на берегу Варяжского моря.

– Петербург? – удивился Август. – Россия?

– Russia, – утвердительно кивнула гостья и улыбнулась. – Peterburg. Таня.

Русская? Русский язык? Честно говоря, верилось с трудом. Это было просто невозможно себе представить, чтобы молодая русская женщина из хорошей семьи – а образование прямо указывало на дворян или богатых купцов – не говорила по-французски! Август встречал русских дам при дворах нескольких европейских государств, и все они без исключения блестяще говорили и читали по-французски. А вот Таня – нет.

Не может быть, потому что не может быть никогда!

Однако недоумение Августа длилось недолго. Женщина коснулась ногтем слова «империя» и, коротко взглянув на Августа, отрицательно покачала головой. Что-то сказала, поморщилась, обнаружив, что он ее не понимает. Снова коснулась слова «империя» и достаточно ясно произнесла другое знакомое слово:

– Respublika!

– Республика? – еще больше удивился Август, хотя, казалось бы, куда больше. – В России республика?

«Боги, в каком же мире Россия стала республикой?.. Или, может быть, всегда была ею там?»

Сейчас он вспомнил, что лет четыреста назад те земли, на которых был построен Петербург, назывались Гордарики.

Новгородская республика? Почему бы и нет! Есть же у нас Венецианская республика! И наша Генуя тоже едва не стала республикой.

Итак, теперь Август знал, что перед ним в теле Теа д'Агарис находится молодая, хорошо образованная женщина, пришедшая из какого-то другого мира, где есть Париж и есть Петербург, но нет Российской империи, потому что там, представьте себе, в России республиканская форма правления. Теперь можно было бы продвинуться еще дальше вперед, но гостя быстро устала и явно нуждалась в отдыхе.

«Ладно, – решил Август, – некуда спешить! Пусть отдохнет, а с утра на свежую голову начнем учить язык. Она – французский... а я – русский».

Глава 3

Кто бы мог подумать!

Вилла Аури, день второй, утро

Утром, еще до завтрака, Август выслушал доклад двух служанок, приставленных к его таинственной гостье. Женщина проплакала весь вечер и половину ночи. Забылась только перед рассветом, но утром выглядела бодрой, и с истерикой, похоже, справилась. Долго сидела перед зеркалом за туалетным столиком, расчесывала волосы, трогала лицо, комментировала вполголоса. Потом голая красовалась перед ростовым зеркалом в ванной комнате, рассматривала себя, что-то напевала. Отнеслась с интересом к одежде и туалетным принадлежностям. Кое-что, как показалось служанкам, ей было попросту незнакомо, зато других вещей, пользоваться которыми Таня, по-видимому, привыкла у себя дома, здесь она не нашла и была этим откровенно разочарована, если не сказать больше. Что-то говорила с интонацией раздражения. Возможно, ругалась. Снова плакала.

Однако ни один рассказ не заменит личного впечатления, и здесь Августа ожидали любопытные открытия. Дело в том, что к завтраку вышла совсем другая женщина. Не та, с кем он познакомился только вчера. Угловатость и неловкость в движениях почти исчезли. Изменилась к лучшему осанка, так что Таня казалась сейчас выше, чем накануне. В глазах появился живой блеск, но, возможно, это было связано с освещением. Произошли изменения и в поведении. Сейчас, ничуть не стесняясь, гостья проявляла живейший интерес ко всему подряд: к сервировке стола, декору зала, блюдам и самому Августу.

Впрочем, кое-что оказалось ей хорошо знакомым. Ее не удивили ни белый хлеб, что было ожидаемо, ни яйца всмятку и овсянка, от которой она, к слову, отказалась и, значит, знала, о чем идет речь. Ей нравились клубника и абрикосы, но самым странным оказалось пристрастие гостьи к кофе и сырам. Сыр она ела с кофе, который пила горьким, без сахара. И еще одна деталь. Гостья все время спрашивала, как что называется, и неспроста. У женщины оказалась цепкая память, и она умела учиться. К концу трапезы Таня уже была способна к месту сказать что-нибудь вроде: «Да, спасибо!» или «Нет, спасибо!» – или даже: «Я хочу кофе. Еще кофе. Да, спасибо! Кофе без сахара». Впрочем, Август тоже выучил полтора десятка русских слов и с дюжину коротких фраз. Однако следует признать, силы были неравны: это ему пришлось догонять женщину, а не наоборот.

«Умная девочка, – думал он, глядя на Теа д’Агарис, сидящую рядом с ним за столом. – Красивая и умная. Будет толк. Жаль только, не говорит по-французски. Очень жаль!»

И в самом деле, куда человеку без языка? Да никуда. А был бы язык, такую комбинацию можно было бы провести! Август уже видел ее шаг за шагом, всю, от начала и до конца. Но, увы, это была всего лишь пустая фантазия.

«Несбыточно! – вздохнул он про себя. – Но не смертельно! После всего, что уже случилось, это сущие пустяки!»

К сожалению, воспоминания о «дне разочарований» не оставляли Августа, хотя, видят боги, его гнев медленно, но верно преображался в желание отомстить. Надо было лишь придумать как! Создать план и осуществить его недрогнувшей рукой. Пока же план созрел, как зреют сыр и вино, и женщина могла сыграть в нем важную роль. Причем не только в качестве живого доказательства его нынешней силы...

– Ну что, пойдем гулять? – спросил он вслух, вставая из-за стола и протягивая женщине руку.

– Гулять ходить? – неожиданно спросила она, вставая и, не жеманясь, протянула ему свою руку.

– Да, – подтвердил несколько ошалевший от такой прыти Август.

«И когда только успела? – спросил он себя, и сам же ответил на свой вопрос: – Наверное, научилась у Клод».

А женщина продолжала удивлять.

– Куда? – спросила она.

– Туда, – показал рукой Август.

Следующие полтора часа они гуляли вокруг дома и в расчищенной части леса. По ходу дела Таня выучила еще несколько существительных и глаголов, что не мешало ей, впрочем, наслаждаться прогулкой. Ей явно понравились лужайка, плавно стекавшая с холма, на котором стояла вилла Аури, и ручей, бегущий у подножия. В лесу она, правда, неожиданно насторожилась, поежилась, словно ей стало зябко, и начала опасливо поглядывать на пятна тьмы, скопившиеся за дальними деревьями. Что-то ей здесь не понравилось, и по этому случаю гостя выучила еще два слова: «обратно» и «домой».

«Ну, домой так домой!» – не стал спорить Август.

В конце концов, библиотека ничем не хуже леса, да и в кабинете у него собрано немало интересных вещей, многие из которых наверняка привлекут внимание гости и заодно – между делом – позволят Августу узнать ее лучше. В частности, он собирался показать женщине несколько книг из своего собрания, написанных предположительно на русском языке, и, быть может, выяснить, какой еще язык она знает. Русские ведь пишут кириллицей, а Таня явно знала латинский алфавит. Возможно, конечно, что в ее мире русские, как поляки и чехи, тоже пользуются латинским алфавитом, но Августу показалось, что это не так. Далее по списку шли геометрия, атлас звездного неба и, возможно, алхимия. Что, если она и в алхимии разбирается? Даже базовых знаний было бы достаточно, чтобы проверить пару вполне приемлемых – с этической точки зрения – авантур. Однако действительность превзошла все его ожидания.

Вернулись в дом, поднялись на второй этаж, и гостя сразу же указала рукой в направлении кабинета:

– Туда!

И вопросительный взгляд в сторону Августа.

– Туда, – согласился он, тем более что и сам предполагал пригласить ее именно в кабинет.

– Кофе? – спросила Таня, когда они шли через комнаты. – Еще? Да?

– Да, – улыбнулся Август и приказал попавшемуся под руку слуге передать на кухню, чтобы подали в его кабинет кофе для дамы и бренди для него.

А потом они вошли в залитую солнечным светом комнату, и гостя, которая была уже здесь накануне, но при совершенно другом освещении, увидела то, что пропустила прежде – портрет Теа д'Агарис. Увидела – и замерла на месте, словно громом пораженная. Стояла. Смотрела. И наверняка видела себя, ведь в зеркало она смотрелась уже, и, судя по словам Маленькой Клод, не раз и не два. Много. Долго. Вчера и сегодня. А теперь встретилась с еще одним отражением. Та же женщина, только платье на ней по моде прошлого века, да драгоценности стоят целое состояние...

– Кто? – Не оглянувшись, не взглянула на Августа. Продолжала упорно смотреть на портрет.

– Теа д'Агарис, – представил изображенную на портрете женщину Август, – графиня Консуэнская...

– Теа д'Агарис, – повторила за ним Таня.

Вдруг написанная маслом женщина начала обретать плоть и объем. Она словно оживала. Заблестели ярко-зеленые глаза. Улыбка тронула изумительные губы. Августу показалось даже, что Теа готова выйти из портрета. Но, разумеется, только показалось, потому что чудо «иллюзии близнецов» недолговечно. Мгновение, другое – и все закончилось.

Однако, если завершилось одно чудо, возможно, настало время для другого. «Иллюзия близнецов» возникает сама собой, когда волшебник оказывается лицом к лицу со своим порт-

ретом. Безделица, в сущности, но приятная безделица. Так на этот феномен и смотрят испокон веков. Август в этом смысле не исключение. Но сейчас он был впечатлен никак не меньше гостыи. Та, по-видимому, никогда ничего подобного не видела, вот и впечатлилась. Август же увидел совсем другое – он разглядел за иллюзией реальное чудо. Он увидел перспективу. Впрочем, догадка догадкой, но эффект «иллюзии близнецов» следовало безотлагательно проверить. Сейчас же!

Он усадил женщину в кресло и как смог объяснил ей жестами свою просьбу – оставаться на месте. Она его поняла, а тут еще и кофе принесли, так что, оставив гостью наедине с любимым напитком, Август едва ли не бегом бросился в свою подземную лабораторию. Он спешил как мог, и все-таки это заняло какое-то время: добежать до лестницы, спуститься вниз, отпереть один из окованных сталью сундуков, достать свинцовую шкатулку и тем же порядком вернуться к попивающей кофе Танье. Впрочем, как тут же выяснилось, пила она отнюдь не только кофе. Кальвадос она попробовала тоже, и он ей, судя по выражению лица, даже понравился. Но Август на это внимания не обратил. Пусть пьет что захочет! Особенно если то, о чем он думал, окажется правдой. Он подбежал к столу, поставил шкатулку, открыл и вынул из нее полупрозрачный необработанный камень, похожий на кусок горного хрусталя. Разумеется, это был не совсем хрусталь, но уж очень похож.

Едва камень оказался в руке Августа, он наполнился золотым сиянием. Свет исходил из самого камня и быстро набирал силу, превращая его в маленькую копию солнца. Глаза не слепит, и тепла практически не дает, но горит как настоящая звезда.

– Ох! – вырвался у гостыи вздох восхищения.

Ну еще бы не «Ох!»! Он показал ей чудо, разве нет? Чудо чудесное, никак не меньше. Однако Август принес «талисман Арбателю»¹¹ не для того, чтобы позабавить незнакомку. Поэтому, дав камню немного посиять, он вернул его на место и закрыл тяжелую крышку. Затем отошел от стола как можно дальше и жестом попросил Таню снова открыть шкатулку. Женщина его поняла, но удивилась. Посмотрела вопросительно, потом пожала плечами и подняла свинцовую крышку. Камень лежал внутри и слабо светился. Но когда, следуя просьбе Августа, женщина взяла талисман в руку, он засиял в полную силу. Интенсивность свечения была, пожалуй, никак не меньше той, которую смог вызвать сам Август, и это означало, что его гостыя полна магией.

Магия!.. Но откуда?!

Однозначного ответа на этот вопрос Август дать не мог. Он мог лишь предполагать, но и тогда дело не сводилось к одной конкретной гипотезе. Их было несколько, и согласно первой из них, воссоздавая тело красавицы-колдуньи, Август непроизвольно воспроизвел и ее магию. У этого предположения были далеко идущие следствия, поскольку оно означало, что магический Дар носит физиологический, а не метафизический характер, как предполагали прежде. Однако пока это была всего лишь гипотеза, притом одна из трех.

Другой вариант предполагал наличие Дара у самой Тани. В этом случае гипотеза о метафизическом характере магии получала серьезное – экспериментальное – подтверждение. А Таня оказывалась новой Теа д'Агарис, притом пришедшей из другого мира и, возможно, умевшей такое, о чем здесь, в этом мире, никто и помыслить не мог. Правда, имелся еще и третий вариант: колдовство, осуществленное Августом, было настолько мощным, что эманация магии буквально впиталась в плоть и кровь созданной им женщины. Какая из двух теорий – биологическая или метафизическая – получала подтверждение в этом случае, надо было еще подумать. Однако все эти вопросы были вторичны и, пожалуй, даже малосущественны, если иметь в виду *здесь и сейчас* Августа Агда. Гораздо важнее другое: новая Теа – колдунья, даже если не умеет пользоваться своим Даром, и притом потенциально сильная колдунья. И тут уже

¹¹ Арбатель – средневековый европейский маг, автор т. н. гримуара Арбателю.

не важно, откуда взялся этот Дар, *оттуда или отсюда*, важно, что он у нее есть, а значит, становятся возможными многие вещи, о которых Август заставил было себя забыть.

«Удача? – спросил он себя, по-новому глядя на гостью. – Такая невероятная удача после столь жестокого поражения? Но, может быть, боги услышали мои молитвы?»

Генуя, день третий

Август не хотел оставлять свою гостью одну, но и взять ее в город не мог тоже. Ей рано было появляться на людях, так что и выбора на самом деле не было: пришлось оставить Таню дома. Впрочем, он принял все возможные меры предосторожности. Строго-настрога приказал слугам, приправив распоряжения убедительной порцией магии, никого к госте не допускать, охранять от любых неожиданностей, сдвигать с нее пылинки и исполнять – в пределах разумного – любые ее капризы. Другое дело, что без языка не сильно разгуляешься: большую часть твоих капризов просто не поймут. Однако в распоряжении Тани был практически весь дом – все помещения, кроме накрепко запертой и запечатанной Старой башни, – бумага и свинцовые карандаши, если вдруг надумает рисовать, перья и чернила, чтобы могла записывать новые слова и фразы, две книги на русском языке, о содержании которых Август мог судить только по картинкам; разобранные как-то сдуру, но так и не собранные обратно каминные часы, к которым женщина проявила прямо-таки нездоровый интерес; новые наряды, привезенные накануне из столицы; кухня, винный погреб, лужайка и ручей. Однако в лес он приказал женщину не пускать. В пуще полно диких зверей, и хотя крупные хищники – волки, рыси и медведи – к дому не подходят, береженого и берегиня¹² бережет, не правда ли?

– Смотрите мне! – пригрозил Август слугам, сел в карету и уехал в город.

В городе у него было ровно три дела и острое желание не попасться случайно на глаза кому-нибудь из знакомых. Лучше пусть забудут о нем на время, а он им потом о себе напомним. Напомнит и припомнит – «Каждому воздастся!» – но не сейчас, потому что сейчас ему предстояло сделать так, чтобы это неопределенное будущее все-таки состоялось. А это значит, что Августу нужны были деньги, и притом деньги немалые, и хоть какое-то – на первый случай – общественное положение. Там, где ему придется действовать, быть доктором или профессором приятно, но недостаточно. Нужен статус, приемлемый для высшего общества. Вот за статусом Август теперь и ехал в судейский квартал. Там, в кривых, мощенных булыжником улочках, окружавших здания городского парламента, ратуши и Королевского суда, обитали те, кого принято называть крючкотворами. Но Августу нужен был лишь один из них – мэтр Константин, самый прожженный сукин сын из всех законников, с которыми приходилось сталкиваться Августу, а ему приходилось, и немало.

– Вы ведь в курсе моих неприятностей? – прямо спросил Август, усаживаясь в кресло напротив письменного стола, за которым работал правовед.

– Увы, мой господин, – печально вздохнул мэтр Константин, поправляя очки, – но такой суд мне не выиграть.

Что ж, этого и следовало ожидать. Новость о таком грандиозном скандале, как тот, что случился в доме графа де Ламара, не могла обойти стороной сообщество сутяг. Этот ведь их хлеб, не правда ли?

– Выиграть суд? – переспросил Август. – Да нет, не думаю, что стал бы судиться с этим ничтожеством. Тем более, вы правы: здесь нет предмета для спора. Все слишком очевидно, но...

– Но? – прищурился мэтр Константин.

¹² Вероятно, все-таки альв, так как берегини – аналог эльфов в древнерусском пантеоне.

– У меня другие планы! – усмехнулся Август и, вытащив из принесенной с собой кожаной сумы, протянул сухонькому старичку свиток с текстом завещания. – Меня интересует лишь этот документ. Что скажете?

Старичок принял свиток, развернул и стал читать. Читал он долго, но Август его не торопил, очень уж серьезный вопрос решался сейчас в кабинете мэтра Константина.

– Что ж, – кивнул крючкотвор, завершив изучение документа, – вы ведь и сами знаете, что означает формула наречения, использованная вашей родственницей?

– Скажем так, – усмехнулся Август, переводя дух, – я догадываюсь, но я не стряпчий. Поэтому мне нужно ваше компетентное мнение, и, разумеется, оно должно быть изложено письменно.

– Что ж, – повторил старик, – мое мнение... Она... я имею в виду завещателя – нигде в документе не называет вас графом де Ламаром, но зато, выражая свое непереносимое желание, «находясь в здравом уме и твердой памяти», называет вас Августом Агдом – «сыном моей любимой племянницы Терезы де Сан-Северо». У вас ведь есть свидетельство из храма, где написано, что вас родила именно Тереза де Ламар де Сан-Северо?

– Непременно, – улыбнулся Август, довольный тем, как хорошо все сложилось.

Он вытащил из сумки следующий документ и передал его старику.

– Тогда все просто, – сказал ему через пару минут мэтр Константин и отложил пергамент в сторону. – Своим завещанием ваша родственница признает вас законным сыном вашей матери. Материнская линия в королевстве признана законом, так что вы, мой господин, не незаконнорожденный. Кто бы ни был вашим родителем и в каких бы рода отношений ни состоял с вашей матерью, вашим отцом по умолчанию считается граф де Ламар, в законном браке с которым состояла в это время ваша матушка. И поскольку это так, вы дворянин и можете пользоваться патронимом матери – Сан-Северо. Однако ваша вила и сама по себе владение: «дом и двадцать пять квадратных километров леса». Ну а поскольку вы дворянин Сан-Северо, то вы имеете полное право на титул «кавалер де ла Аури».

Вот, собственно, и все! Спасибо духам предков, что нашептали старой тетушке – боги знают в каком колене – сформулировать свое завещание так, а не иначе. Но, может быть, она точно знала, что делает и зачем? Что, если она подстраховывала Августа на такой вот поганый случай? Но отчего тогда не предупредила его мать? Струсил? Возможно. Подчинилась воле отца, который ему более не отец? Может быть. Но как бы то ни было, лишь это завещание предоставляет Августу так необходимый ему статус. Теперь он снова дворянин и даже кавалер, а графом... очень может быть, что при «вновь открывшихся обстоятельствах» он и не захочет быть графом.

– Это невозможно оспорить? – Август все-таки задал тревоживший его вопрос.

– Нет, – покачал головой мэтр Константин, – это невозможно, но, если желаете, я могу сегодня же зарегистрировать ваш новый статус в канцелярии королевского герольда.

– Мне бы не хотелось огласки, – вздохнул Август, разрывавшийся между желанием сделать вопрос статуса необратимым и опасением, что преждевременная огласка может помешать его планам.

– Помилуйте, какая огласка? – по всей видимости, искренне удивился крючкотвор. – Десять золотых флоринов – и вас внесет в реестровые книги обычный мелкий чиновник, который, разумеется, не станет рассказывать об этом на каждом углу. Если желаете, подъезжайте ко мне после обеда, ваши документы – свидетельство канцелярии и мой вердикт – будут готовы. С вас, кавалер, двадцать флоринов, и можете совершенно не беспокоиться. Вы дворянин и владетель, и это неоспоримый факт.

Следующий визит Август нанес в штаб-квартиру ломбардского ссудного банка. Зашел, правда, не с главного входа – с площади, а из переулка. В свое время Август несколько раз

консультировал ростовщиков и поэтому знал про эту неприметную дверь, ну а ломбардцы, соответственно, знали его. Тем не менее ему пришлось довольно долго ждать, прежде чем его принял мэтр Бернарди. Ничего личного. Никакой попытки унижить или оскорбить. Напротив, глава банка сделал Августу одолжение, согласившись принять его без предварительной договоренности. Ну Август и не роптал. Стойко выдержал ожидание и в конце концов попал в личный кабинет Антонио Бернарди.

– Рад вас видеть, профессор! – улыбнулся, вставая из-за стола, внушительных размеров мужчина средних лет. – Как поживаете?

– Здравствуйте, мэтр Бернарди. – Августу все это не нравилось, но ему остро нужны были деньги, и он сдерживался. – Судя по тому, что вы титузуете меня профессором, а не графом, дела мои обстоят хуже некуда.

– Мне кажется, – осторожно заметил банкир, возвращаясь в кресло, – что было бы куда хуже, если бы я стал притворяться, что ничего не произошло.

– Вы правы, мэтр Бернарди, – согласился Август и тоже присел, – и я вам за это весьма благодарен. Но давайте перейдем к сути. Вы занятой человек, да и у меня, признаться, есть на очереди несколько неотложных дел.

– Тогда переходим к сути, – кивнул Бернарди. – Чем могу быть полезен?

– Сколько вы можете дать под залог моего имения? – С этими словами Август выложил на стол выписку из кадастровой книги.

Ломбардец взял документ и без лишних слов углубился в чтение. Свиток был длинный – вилла, лес и плодородный, но не обрабатываемый крестьянами берег реки, – и мэтр Бернарди читал довольно долго.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.